

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ВЫПУСК №42

Российский химико-технологический
университет имени Д.И.Менделеева

МОСКВА
2013

*Учредитель
Российский
химико-технологический
университет
им. Д. И. Менделеева*

Жуков А.П. - отв. редактор,
Денисова Н.Ю. -
отв. секретарь

Мнение редакции может
не совпадать с позицией
авторов публикаций

Перепечатка материалов
разрешается
с обязательной ссылкой
на «Исторический вестник
РХТУ им. Д. И. Менделеева»

Верстка *А. Ю. Ильин*
Обложка *А. В. Батов*

Сдано в печать 17.10.2013
Отпечатано на ризографе.
Усл. печ. л. 5,0.
Тираж 200 экз. Заказ № 108

**Центр истории РХТУ
им. Д. И. Менделеева
и химической технологии**

Адрес университета:
125047 Москва,
Миусская пл., дом 9.
Телефон для справок
8-499-978-49-63
E-mail: mendel@muctr.ru

© Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, 2013

Содержание

КОЛОНКА РЕКТОРА К ЧИТАТЕЛЯМ ИСТОРИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА	3
ДОКУМЕНТЫ ПРОФЕССОР ХАРАЗОВ Г.А. – МИУССКИЕ НАХОДКИ <i>Центр истории РХТУ</i>	4
ПУБЛИКАЦИИ ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Г. А. ХАРАЗОВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА	5
<i>Клюкин П.Н.</i>	
МЕНДЕЛЕЕВЦЫ ЛЕТОПИСЬ МОЕЙ ЖИЗНИ <i>Чечеткин А.В.</i>	17
ИСТОРИЯ ТЕХНОЛОГИИ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОЧНОСТИ И.А. ОДИНГА <i>Стаценко Е., консультант Жуков А.П.</i>	31
ДИНАСТИЯ ОПЕРЕДИЛ ВРЕМЯ <i>Григорьев Е. о Харченко А.Т.</i>	35
POST MORTEM СКВОЗЬ ТЕРМИНЫ – К ЗВЕЗДАМ <i>Интервью с В.Л. Рабиновичем в 2010 г.</i>	36
ПУБЛИКАЦИИ ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКА <i>Алейник Р.М.</i>	38
ДОКУМЕНТЫ ЭВАКУАЦИЯ В КОКАНД <i>Новые фотографии</i>	40

На заседании Ученого совета РХТУ 25 сентября 2013 г. президенту Ивановского государственного химико-технологического университета Оскару Иосифовичу Койфману торжественно присвоено звание «Почетный профессор РХТУ имени Д.И. Менделеева»

Уважаемые менделеевцы!

Вашему вниманию – рабочей критике и размышлениям – предлагаем 42-й номер нашего «Исторического вестника». Основной материал выпуска посвящен 100-летию юбилею замечательного профессора Менделеевки Александра Васильевича Чечёткина (1913-2001). Человек XX века, москвич из района Сухаревки, он был участником и свидетелем событий всех лет Советского Союза. Боевой офицер Великой Отечественной, отмечен наградами. Прекрасный педагог, работавший на общеинженерных кафедрах, любим студентами. Увлечение всей жизни – классическая музыка на профессиональном уровне (по пониманию и участию).

Интересный поиск редакции журнала о незаслуженно забытых именах профессоров далеких лет – сегодня ИВ представляет профессора Харазова Георгия Артемовича (1877-1931), в 1920-е читавшего на Миусах курс «Теоретической механики». Миру он был известен как «ученый чиж», которому было интересно все новое в науке.

Дань памяти отдана выпускнику 1959 г. доктору философских наук В.Л. Рабиновичу.

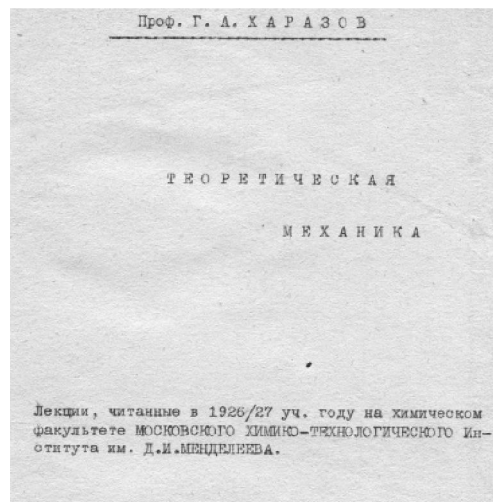
У нас великая история, и я приглашаю к сотрудничеству по ее написанию всех менделеевцев – ветеранов и сегодняшнее поколение.

Ректор РХТУ

Колесников В.А.

ПРОФЕССОР ХАРАЗОВ Г.А. – МИУССКИЕ НАХОДКИ

Центр истории РХТУ

- 141 -

§ 42. Заключение.
 Все три принципа Механики Ньютона, как видно, сводятся к тому очевидному утверждению, что при ка-
 быдении изнутри, всевозможные внутренние силы, развивающиеся в системе, распадаются, как при сжа-
 тии и разжатии телюстей, или при толчках, или при взрывах, на парные силы притяжения и отталкивания, а потому их сумма - нуль.
Наблюдаемая изнутри, всякая система - в пределе, весь мир - пребывает в первом условии равновесия.

Глава девятая. - Закон сохранения площади.

§ 43. Содержание закона.
 Если $m_1, m_2 \dots$ даны массы, $\vec{r}_1, \vec{r}_2 \dots$ их коор-тин; $\vec{v}_1, \vec{v}_2 \dots$ их скорости, то выражение

$$\sum m[\vec{r}, \vec{v}] = \sum [\vec{r}, m\vec{v}] = \vec{B}$$
 наз., по Пуансо, «материальным моментом»

Часть I - Статика.

Глава первая - Оценке системы.

§1. О векторах.
 Прямой путь АВ между двумя точками пространства наз. вектором (переходом). Все векторы измеряются в определенной раз всегда действующей единице, напр., в сантиметрах. Число сантиметров, заключающееся в векторе, наз. его длиной или еще: величиной. Вектор, длина которого = 1 (подробнее см. с. 11), наз. единичным, а также направленным. Если i направление, p длина любого вектора P , то он может быть дан в виде: pi , т. е., он получается из своего направления путем растяжения в p раз. Поэтому, если разделим вектор pi на его длину, то получим его направление i .
 Во всякой прямой два противоположных направления (напр., слева направо и справа влево); одно принимается за положительное, другое - за отрицательное: если одно i , то другое $-i$. Поэтому, при $AB = pi$, имеем $BA = -pi$, и всегда
 $BA = -AB$, или $AB + BA = 0$
 Первое из этих равенств называется «правильным переносом» (из одной части равенства в другую):

В 2005 г. увидела свет книга «Профессора университета Менделеева. XX век». В ней были собраны справки и библиография о 300 профессорах разных лет. Имени Харазова Г.А. в книге нет.
 Недавно в фондах Музея истории РХТУ (при изучении его после переезда с Шелепихи) был обнаружен литографированный (рукописный) текст лекций по «Теоретической механике», читанный в 1926-27 уч.

году на химическом факультете МХТИ им. Д.И. Менделеева проф. Г.А. Харазовым.
 Как оказалось, в интернете в последнее время появилась разрозненная информация о профессоре Харазове. Личность уникальная, энциклопедических знаний и интересов: физик, поэт, экономист и проч. Есть где развернуться в изысканиях. Одна лишь география жизненных путей-дорог - от Кавказа до Альп, Москва, Баку,

Тбилиси, Запорожье... В качестве иллюстрации - рисунок дома в старом Тбилиси, где жил профессор Харазов (фото 1).
 Публикуем с согласия автора статью экономиста Петра Клюкина о творческом наследии Г.А. Харазова в контексте экономической теории воспроизводства с краткой биографической справкой.

Центр истории РХТУ

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Г. А. ХАРАЗОВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Петр Клюкин, д.э. н., институт экономики РАН

В истории российской экономической мысли остаются имена, значение которых долгое время не осознается; но как только их существование обнаруживается, происходит подъем на новую ступень по лестнице знания, приходит осознание их органической связи с отечественной научной традицией. В этой галерее имен особое место занимает имя Георгия Артемовича Харазова (1877-1931) (1).

Георгий Артемович (Георг фон) Харазов родился 24 июня (6 июля) 1877 г. в Тифлисе; родители его были обрусевшими армянами. Учился он в Тифлисской классической гимназии (1886-1890), после смерти отца был отправлен в Одессу, где несколько лет посещал классическую гимназию Ришелье (Richelieu-Gymnasium). В 1893 г. вернулся в Тифлис на прежнее место учебы и спустя год, по достижении 18 лет, сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости. Затем поступил в Московский университет на медицинский факультет, но во время студенческих беспорядков 1896 г. был исключен и вынужденно отправился за границу для продолжения обучения. Повинуясь внутреннему влечению, учился математике в Гейдельберге, где был зачислен на факультет естественных и математических наук Карла Рупрехта (Ruprecht-Karls-Universitat). 27 февраля 1902 г. Харазов выдержал экзамен и получил ученую степень доктора математики. Диссертация, опубликованная в том же году, выявила его большие способности к абстрактному теоретическому анализу и удостоилась внимания авторитетного

математического журнала, но в ней в явном виде еще не содержалось обсуждения политико-экономических проблем (2).

Следующий этап жизни ученого связан с университетами Цюриха (1907-1908) и Лозанны (1909 - 1912) в Швейцарии; этот период наиболее интересен для экономистов-теоретиков, так как именно в эти годы Харазов создает свои главные политико-экономические произведения и безуспешно пытается найти понимание своих идей у К. Каутского, а затем О. Бауэра. Матрикулы Цюрихского университета сообщают, что после защиты докторского диплома по экономике (вероятнее всего, в Лозанне) ученый Харазов 12-го и, окончательно, 20-го июня 1912 г. выбыл из списков активных членов Университета (3).

Следы дальнейшей деятельности профессора Харазова обнаруживаются в Тифлисе в 1919 г. (4) Он становится самостоятельным участником литературно-поэтического движения, охватившего сначала Тифлис, затем Баку и другие крупные города Закавказья после событий 1917 г. (5): организует свою «Академию стиха», публикуя ряд стихотворений (6); входит в контакт с известными объединениями - тифлисским «Цехом поэтов» (С. Городецкий, С. Рафалович), футуристической «Компанией 41°» (И. Зданевич, А. Крученых, И. Терентьев), группой «Голубые роги» (В. Гаприндашвили, Г. Робакидзе, Т. Табидзе, П. Яшвили) и др.

Вместе с тем он продолжает оставаться, по его собственным словам, «ученым чижом», которому интересны новые

веяния в науке. Уловив революционные преобразования в психологии, он пишет специальную статью о применении идей З. Фрейда в теории толкования сновидений к анализу психологического состояния литературного персонажа (7). Другим предметом его теоретических интересов в 1920-е годы стали физика и механика. Опубликованная им книга «Начала теоретической механики» (1923) в большой степени явилась фундаментом для дискуссий по теории относительности, которые велись в СССР в 1920-е - начале 1930-х годов (8). Харазов входил в группу так называемых «механистов» (А.К. Тимирязев, Н.П. Кастерин, Я. И. Грима, позже В.Ф. Миткевич), противопоставлявших электромагнитной картине мира предшествующую ей механическую картину мира Галилея-Ньютона и критиковавших теорию относительности и квантовую механику с консервативных позиций. И снова, в который уже раз, он активно выражает свою теоретическую позицию, в данном случае сталкиваясь в прениях по своему докладу с А. А. Богдановым (9).

Скончался Георгий Артемович в ночь с 4 на 5 марта 1931 г. в Кичкасе (колонии, расположенной в 5,5 км от г. Запорожье, где с 1927 г. началось строительство Днепрогэса) (10). Еще раньше, 13 сентября 1927 г., скоростно от тифа скончалась его дочь Елена Георгиевна Харазова, а позже - есть основания предполагать, что это именно он, - старший сын Харазова Александр Георгиевич (1900-1937) (11). О судьбе сыновей - Артура Георгиевича и, вероятно, Сергея Георгиевича (12) - никаких фактов устано-

вить не удалось; также ничего не известно о жене Харазова Марии(13). Маловероятным представляется тот факт, что им суждено было пройти через все испытания, остаться в живых после войны и к тому же сохранить творческое наследие Харазова (в области экономики, математики, поэзии) в объеме, значительно превышающем тот, который нам доступен(14).

Экономическое наследие Харазова сконцентрировано в двух книгах, написанных по-немецки; кроме того, сохранились три коротких письма, адресованных К. Каутскому и связанных с обсуждением вопросов из первой книги (1907-1909), образующей «как бы введение в ряд политико-экономических штудий... которые в своей совокупности должны содержать законченное суждение о марксизме»(15).

Оно представляет собой до сих пор недооцененный (а в России – еще не оцененный вообще) вклад в развитие воспроизводственной традиции, восходящей к трудам Ф. Кенэ и К. Маркса. Решение этой задачи, предполагающее полный перевод трудов Харазова на русский язык с комментариями, ограничивается здесь краткой и, безусловно, неполной характеристикой того, что было сделано ученым в русле этой традиции. В данной статье мы ставим целью вписать наследие Харазова в контекст российской аналитической традиции, связанной с именами М.И. Туган-Барановского, В.К. Дмитриева, Н.Н. Шапошникова и В.И. Борткевича(16).

Российская аналитическая традиция в исследовании «Капитала» Маркса

Политико-экономические исследования Харазова, начавшиеся, видимо, еще в его сту-

денческие годы в Москве(17) (начиная примерно с 1905 г.) и представленные публично, в форме докладов, фокусировались вокруг действительно научного понимания учения Маркса, изложенного в «Капитале». Если учесть, что Борткевич начал свои исследования по «исчислению ценности и цены в системе Маркса» в 1906 г., так как познакомился с методом «Экономических очерков» Дмитриева как раз в 1905 г., то идеи Харазова, очевидно, формировались самостоятельно и даже носили опережающий характер. Применение метода Дмитриева не было для него чем-то обязательным; и действительно, ни в одной из работ у Харазова нет упоминания о Дмитриеве, равно как и о Шапошникове, который инициировал подготовительную критику идей О. Бем-Баверка Борткевичем в теории ценности, а также об А. А. Чупрове, через которого Борткевич узнал о существовании «Очерков». О теории рынка и кризисов Туган-Барановского, которая была своего рода классикой, Харазов, естественно, знал еще задолго до появления работ Борткевича (18).

Тем не менее то, что мы имеем дело с традицией, а не просто с разрозненными исследованиями, пусть и посвященными одному предмету - учению Маркса, подтверждается не столько одним проблемным полем (в таком случае в тот период «марксистами» были все - от народников до революционеров), сколько единым методом исследования. Этот метод имел две особенности, которые ярко проявились и в трудах Харазова: во-первых, Маркс с самого начала рассматривался не в качестве единственного, а как один из представителей классической школы; во-вторых, вытекающее отсюда обраще-

ние к трудам предшественников предполагало применение математического метода. Важную роль играло стремление довести до логического конца даже не те или иные идеи, которые содержались в «Капитале», а общий замысел этого произведения, что обуславливало одновременно и критический, и конструктивный характер выстраиваемых российскими учеными теорий.

К моменту появления работ Харазова традиция имела в своем активе, прежде всего, теорию рынка Туган-Барановского, который стремился непротиворечиво связать схемы воспроизводства из II тома «Капитала», остававшиеся «без своего логического завершения, как бы совершенно инородным телом в стройной системе марксизма», с теорией рынка в III томе, и показывал в итоге, что «спрос на средства производства создает такой же рынок для товаров, как и спрос на предметы потребления»(19). Отсюда логично делался переход к новой теории кризисов, которая принципиально отличалась от Марксовой «теории крушения» (Zusammenbruchstheorie) тем, что показывала периодический характер кризисов.

Такое положение дел, в сочетании с неудовлетворенностью «скороспелыми и непродуманными попытками дать... разрешение противоречия между трудовой теорией ценности и законом уравнения прибыли»(20), привело Дмитриева (уже к весне 1897 г.) к созданию «Экономических очерков», в которых он стремился не согласовать между собой разные тома «Капитала», а, образно говоря, структурно переписать «Капитал» в объеме I и III томов в целях достижения «необходимой общности» метода: последняя, по его мнению, терялась отнюдь не

по вине Маркса, а вследствие стремления Туган-Барановского еще в своей ранней статье 1890 г. соединить существование в схемах Маркса первого подразделения, производящего постоянный капитал, с теорией ценности австрийской школы(21). Теория издержек производства Стюарта-Смита-Рикардо в очерке I, реализующая «догму Смита», через нетривиальный механизм ценнообразования по принципу согласования кривых валового дохода и совокупных издержек (уже через несколько лет Шапошников попадет в идейный тупик «креста Маршалла» и будет искать выход в теории распределения) соединялась с новой теорией конкуренции в очерке II, - и все это для «построения правильной теории промышленных кризисов», осложненной тем не менее влиянием денежного обращения(22). В этом смысле концепция «органического синтеза» Дмитриева как теория ценности в объеме 1-го и гл. 1 - 6 II-го очерков выполняла ту же подготовительную функцию, что и теория рынка у Туган-Барановского.

Данный этап развития традиции завершился публикациями «Кризисов» на немецком языке в 1901 г. и «Очерками» Дмитриева на русском в 1904 г., окончательно обозначив принципиальное, так до конца и не преодоленное расхождение во взглядах между Дмитриевым и Туган-Барановским. Тем не менее были сформулированы варианты соединения теорий из соответствующих томов «Капитала» (второго и третьего у Туган-Барановского(23) или же, в неявном виде, первого и третьего - у Дмитриева), в связи с чем привлекалось и масштабно переосмысливалось классическое наследие Стюарта, Смита, Рикардо и Милля.

Однако вовсе не настойчи-

вые и неоднократные указания Туган-Барановского на то, что «проблема кризисов может быть удовлетворительно разрешена лишь на основе правильной теории рынка»(24), привлекли к последней внимание других представителей рассматриваемой традиции(25). В 1905 г. Туган-Барановский применил свою теорию рынка для опровержения так называемого второго варианта Марксовой «теории крушения» капитализма, а именно закона тенденции средней нормы прибыли к понижению, сделав итоговый вывод о том, что «вся эта теория целиком должна быть безусловно отвергнута. Капиталистическое хозяйство не включает в себе моментов, которые могли бы сделать его дальнейшее существование экономически невозможным»(26). Это был поворотный пункт не только в эволюции самого Туган-Барановского к преимущественному исследованию хозяйств гармонического типа, но и в последующем развитии традиции, которое отныне было в основном связано с немецким вариантом «Теоретических основ марксизма»(27).

В первой статье своей трилогии «Исчисление ценности и цены в системе Маркса» 1906-1907 гг. Борткевич дает отрицательную оценку тому способу, «каким Туган-Барановский на базе своих схем... приходит к отклонению учения Маркса по вопросу об источнике происхождения прибыли на капитал»(28). А именно, Туган-Барановский, считая теорию прибыли Маркса вытекающей из его теории прибавочной ценности, возражал Марксу с помощью трех последовательных аргументов, из которых решающий третий - вопрос о влиянии изменений в строении общественного капитала на общую норму прибы-

ли(29) - разрешался им на основе теории рынка по принципу *experimentum crucis*.

Имея в виду под законом тенденции Марксово выражение для нормы прибыли, используя «методологический прием», когда при неизменном *v*, означающем одно и то же число рабочих, растет постоянный капитал *c*. Из двух причин такого снижения - понижения и соответственно повышения производительности общественного труда (а вовсе не распределения общественного капитала на постоянную и переменную часть) Маркс в III томе должен был рассматривать только вторую, которая как раз «соответствует действительному ходу капиталистического развития». Но Туган-Барановский с помощью своих схем получил удивительный результат: именно первая - связанная со снижением реальной заработной платы, а не вторая причина вела к снижающейся норме прибыли; вторая, наоборот, вела к повышению нормы прибыли, и эту повышательную тенденцию ряд противодействующих факторов (удлинение периодов оборота общественного капитала, сокращение рабочего дня, рост реальной заработной платы и др.) могли только ослабить (30).

Борткевич не возражал против критики закона тенденции; но он справедливо посчитал, что аргументация Туган-Барановского, основанная на его теории рынка и на самом деле не показывающая «отсутствия связи между нормой прибыли и строением капитала», безусловно закрывает путь к разрешению «большого противоречия» между I и III томами «Капитала», отдавая приоритет круговым схемам II тома. Принципиально важно понять, что 2-я и 3-я статьи в трилогии Борткевича направлены как раз

на восстановление той логики «Капитала», которая основана на переходе от теории ценности I тома к теории цен производства III тома.

Своеобразие пути, на который вступил Борткевич, было связано с тем, что он решал эту задачу, одновременно переосмысливая интерпретацию Маркса, данную Туган-Барановским. Первые два аргумента Туган-Барановского из трех против Маркса вращались вокруг соотношения теории прибавочной ценности с трудовой теорией; именно отсюда, по его мнению, проистекало разделение капитала на постоянный и переменный, а также зависимость нормы прибыли исключительно от переменной его части. Стремясь снять эти вопросы, Борткевич обращается к теории издержек производства, развитой Дмитриевым в своем очерке I31). Судя по всему, только влиянием аргументов Туган-Барановского можно объяснить, почему Борткевич, понимая, что «сам Дмитриев полностью отказывается от того, чтобы связывать свою систему уравнений со схемой Маркса», продолжал настойчиво утверждать: Дмитриевская конструкция «находится всецело в русле Марксовой постановки проблемы»(32). Последующее необходимое разведение Марксовых теорий прибавочной ценности и теории прибыли (так как Дмитриев не указывает источника происхождения прибыли на капитал и, по меткому замечанию Шапошникова, не доказывает, что труд является единственным источником ценности) Борткевич осуществляет, возвращаясь к Рикардо, с новой - в отличие от Дмитриева - интерпретацией его главы I «Начал» в духе теории распределения, делая акцент «на динамике цены, формирующейся под влиянием изменяющейся

нормы прибыли»(33).

«Преимущество алгебраического метода над арифметическим» в теории цены, приобретенное Борткевичем благодаря системам уравнений Дмитриева, в его 3-й статье используется и против Туган-Барановского, и против Маркса. Используя утверждение, что норма прибыли определяется условиями производства предметов потребления рабочих(34), Борткевич в итоге показывает несогласованность предпосылки о постоянной норме прибавочной ценности с фактом роста производительности труда на всех ступенях производственного процесса (или во всех отраслях производства). Третий аргумент Туган-Барановского опровергается тем, что норма прибавочной ценности m/v в его схемах является переменной величиной(35). Ошибочность же Марксовой теории прибыли в том, что, основанная на изолирующем методе, она не принимает во внимание математическую связь между m/v и производительностью труда. В итоге Борткевич хотя и сужает область действия фактора производительности труда, ограничивая ее отраслями, производящими предметы потребления рабочих (и исключая предметы роскоши), но все равно соглашается с интерпретацией Туган-Барановского относительно моделирования технического прогресса Марксом в III томе «Капитала».

Теперь Борткевичу нужно было заново выстроить соотношение I и III томов «Капитала». Можно видеть, что предпочтение в смысле первичности однозначно отдается им III тому, в котором изложена теория цен производства. Теория ценности I тома Борткевичем фактически не затрагивается, причем сразу по двум важным причинам: она не связана больше с

теорией прибыли по принципу причины и следствия, так как за основу взят метод Рикардо (36); математическая школа во главе с Л. Вальрасом и В. К. Дмитриевым, использующая принцип одновременного или взаимного определения элементов хозяйственной системы, превосходит старую Марксову «причинно-следственную» точку зрения(37).

В итоге Борткевич фиксирует проблему: расчет капиталистов в условиях стоимостных отношений (том I) и в условиях ценовых отношений (том III) кардинально различен, так как их разделяет «мир конкуренции», что является определяющим для понимания единой нормы прибыли. Однако, заимствуя теорию Дмитриева только в объеме очерка I, Борткевич оказывается в ситуации, когда ему приходится принять - в отсутствие своей собственной - теорию конкуренции классиков. Результатом соединения «Капитала» в единое целое стала постановка проблемы «трансформации ценностей в цены производства» и ее количественное разрешение, причем в качестве отправного пункта исследования были взяты три подразделения общественного воспроизводства (по примеру Туган-Барановского) (38).

Как видим, решение своей главной задачи потребовало от Борткевича большого арсенала средств, масштабность которых, с одной стороны, и однородность - с другой, можно оценить, только оставаясь в русле традиции. Неудивительно, что рассматриваемое только как результат количественное разрешение «проблемы трансформации» стало уже с середины 1930-х годов отправной точкой для целого направления теоретической мысли(39).

Наследие Харазова как завершающий этап российской традиции

Вклад Харазова как раз на этом фоне становится особенно заметным. Его позицию можно охарактеризовать как синтез взглядов Туган-Барановского и Борткевича (не случайно в своих работах он ссылается только на них), но с оговоркой, что «синтез» понимается в гегелевском смысле, как отрицание отрицания. Расстояние, отделяющее его от обоих авторов, очень значительно, его вряд ли можно оценить, не прибегая к внешнему критерию (в виде теории «производства товаров посредством товаров» П. Сраффы); в то же время Харазов заполнил пробелы, которые еще оставались в традиции как с точки зрения предмета, так и с точки зрения метода, привнеся в нее принципиально новое понимание «Капитала» как единого целого.

Уже в своей первой книге «Карл Маркс о человеческом и капиталистическом хозяйстве. Новое изложение его учения» (1909) Харазов стремится восстановить то значение I тома для общей логики «Капитала», которое было утрачено в построениях Борткевича(40). Ее публикация была инициирована суждением Борткевича о том, что «Маркс нравился себе именно в роли Мефистофеля. Если бы он с самого начала охарактеризовал закон стоимости только как действующий гипотетически, то не было бы никакой заманчивости новизны и парадоксов»(41).

Харазов характеризует Маркса как теоретика общественного богатства, который наряду с А. Смитом и Д. Рикардо формулирует общую идею экономического прогресса; последний состоит в том, что производство одного и того

же товара, необходимого для удовлетворения потребностей, требует все меньших затрат рабочего времени, в связи с чем для политической экономии в общем виде возникает вопрос об экономии человеческого труда (гл. 1). Если различить мертвый труд с, овеществленный в материалах и инструментах, и живой труд людей а, производящих продукт с помощью мертвого труда, то задача техники состоит в совершенствовании методов производства для минимизации величины (с + а).

На данном этапе анализа Харазов производит второе фундаментальное обогащение традиции, осуществляя более радикальный, чем у Туган-Барановского, возврат к «Таблице» Кенэ. Уже для иллюстрации симметричной и равноправной роли двух видов труда он прибегает к физиократическому примеру производства «чистого продукта».

Пример: ежегодно высевается 100 мер зерна и 200 собираются в качестве урожая; тогда может показаться, что чистый продукт, заключая в себе годичный продукт труда (в 100 мер), является продуктом только живого труда, а 100 мер, предназначенных для посева на следующий год, как бы лежат в хранилище (Speicher). Но такое представление неверно: в каждой мере зерна, собранного в качестве урожая, содержится половина мертвого и половина живого труда, так как чистый продукт невозможно было бы создать без участия мертвого труда (100 мер посева, которые будут отложены и на следующий год) или из ничего (100 мер, эквивалентных живому труду, которые уходят на потребление). «Таким образом, в потребление переходит половина продукта обоих видов труда, и точно так же половина продукта мертвого и живого

труда откладывается для посева на следующий год»(42).

Такое понимание производственного процесса через кругооборот представляется ему наиболее общим (в решающем пункте создания собственной схемы в гл. VII своей второй книги «Система марксизма. Изложение и критика» (1910) – даже более общим, чем у Маркса), оно является первичным по отношению к Марксовой теории прибавочной ценности и, естественно, выводимой из нее теории прибыли.

Действие закона стоимости в капиталистическом хозяйстве, которое организовано в соответствии с принципом индивидуализма, осложняется тем, что экономия средств осуществляется производителями не в труде, а в деньгах (гл. 2). Здесь Харазов вовлекает в свой анализ производственной сферы различие индивидуалистической и общественной точек зрения и показывает, что закон сохраняет свою силу: более дешевые в денежном выражении методы производства приводят к росту производительности труда в обществе (43). Но если у британских классиков механизм согласования интересов осуществлялся через принцип «невидимой руки», контроль общества за рынком - посредством свободной конкуренции, то у Маркса происходят радикальные преобразования из-за особого представления о природе прибыли (гл. 3).

Все критики Маркса, как отмечает Харазов, не учли того обстоятельства, что «не может быть никакой прибыли, исчисленной в труде, в смысле арифметической разности между валовой прибылью и издержками». В упомянутом выше примере издержки = валовому доходу = 2 годам труда, причем решающим моментом оказывается то, что «происхож-

дение чистого продукта нельзя искать только в живом труде» (44). Прибыль появляется только в случае замены статьи «живой труд» заработной платой рабочего и представляет собой соответствующую разницу (45); но в таком случае согласование факта прибыли с требованием технического прогресса осуществляется за счет повышения чистого продукта не в абсолютном выражении, как у Туган-Барановского, а в отношении к затраченному на производство этого продукта труду.

Поскольку закон стоимости имеет силу для всех товаров, в числе которых находится и рабочая сила, то живой труд a распадается на необходимый труд v и прибавочный труд t . Общество заинтересовано в экономии величины $(c + a) = (c + v + t)$, но отдельный производитель - в экономии $(c + v)$, в то время как t оказывается для него не затратами, а прибылью (46). В итоге прибыль $(a - v)$ - это вычислительная ошибка (Rechenfehler), которая сознательно совершается капиталистами; само же капиталистическое хозяйство, принципиально на ней основанное, пронизано противоречиями и является в основе своей ложным, так как исходит прежде всего из увеличения не реального вещественного, а мнимого денежного богатства (гл. 5).

Согласно Харазову, классический принцип экономии труда, таким образом, претерпевает модификацию в Марксовом учении о прибавочной ценности: экономится только та часть труда, которая появляется в товарной форме; в этом существе I тома «Капитала». При переходе от I к III тому, однако, модифицируется уже сам закон стоимости, в связи с чем возникает «диалектика закона стоимости» (ч. II). Непонимание этой диалектики вследствие

отказа от закона стоимости вообще, с точки зрения Харазова, является главной причиной возникновения «большого противоречия» (гл. 6) (47).

Развертывание этой диалектики осуществляется в форме согласования указанных выше двух модификаций, ее можно наблюдать в Марксовом учении о цене (гл. 7). «Смысл отклонения цен производства от закона стоимости состоит в том, что превращенное понимание издержек производства со стороны класса капиталистов распространяется теперь на рынке вместо правильного [изложенного в I томе]» (48). Расчет капиталистов состоит в том, чтобы из каждой единицы $k = c + v$ получить величину $k + t$, так как авансированный капитал k с капиталистической точки зрения перестает распадаться на свою постоянную (c) и переменную часть (v). Прибыль t кажется им приростом всей авансированной суммы k , причем так, что каждая часть этой суммы испытывает равномерный прирост в процессе обращения. Если k денежных единиц растут на t денежных единиц, то каждая растет на - то есть из 1 делается $1 + t/k$; тогда из k единиц делается $k(1 + t/k)$ единиц. Норма прибыли первоначально равна t/k ; таким образом, Харазовым выполнено главное требование 1-го аргумента Туган-Барановского: товарные цены и норма прибыли формируются на основе капиталистических издержек производства, а не абсолютной трудовой стоимости.

С другой стороны, эта индивидуальная норма прибыли различается по отраслям производства; это различие «тем меньше, чем больше мертвого труда с приходится на каждую единицу заработной платы в соответствующей отрасли производства» (49). В итоге под воздействием конкуренции

формируется единая общая норма прибыли p ; капиталист будет продавать свой продукт по цене $k(i + p)$. Если индивидуальная норма прибыли t/k выше средней нормы прибыли p , товар продается ниже своей стоимости, и наоборот (50).

Здесь вступает в действие принцип экономии, или, что то же, производительности труда. Капиталист стремится снизить цену товара, для чего вводит новый способ производства; при снижении k , то есть экономии только оплаченного труда (на p он влиять не может), возникают два случая, и оба согласуются с изложением Маркса. Первый случай, приводящий в итоге к снижающимся норме прибыли t/k и стоимости товара $k(1 + t/k)$, связан с правильным развитием техники в хозяйстве и подготавливает закон тенденции. Второй случай приводит к росту нормы прибыли и - через замену машины рабочим вследствие дешевизны его рук - также к росту стоимости товара, так как чрезмерно возрастает неоплаченный труд t ; он иллюстрирует ключевое противоречие между капиталистическим способом производства и законом возрастающей производительности человеческого труда.

Теперь изменяется и понимание конкуренции, по сравнению с тем, которое видит критика, отрицающая действие закона стоимости I тома. Конкуренция, выравняющая индивидуальные нормы прибыли, управляет, конечно, совокупными капиталами, а не только их переменными частями; но она не противоречит закону стоимости, потому что сама прибыль проистекает от неоплаченного труда, и она стала бы равной нулю при достаточном повышении заработной платы. Здесь, в решающем пункте аргументации, Харазов, который уже вплотную подошел к про-

блеме отклонения стоимостей от цен производства, считает нужным сделать поясняющую ссылку на Борткевича и его расчетные схемы(51).

Харазов строго формулирует проблему отклонения стоимостей от цен производства в интерпретации Маркса. Из его формулы для цены товара $k(1 + p)$ следует, что k - это стоимость, а не цена капитала, что при сохранении закона стоимости сводится к тезису о равенстве цены капитала его же стоимости. Маркс, признавая, по мнению Харазова, неточность своей формулы, вводит понятие капитала как соединения (*Zusammensetzung*) различных товаров, и, поскольку цена одних выше, других - ниже их стоимости, суммарные отклонения цен от стоимостей взаимно компенсируют друг друга, что приводит цену капитала в соответствие с его стоимостью с незначительной ошибкой(52).

Путь перепроверки Марксовой теории цены предполагает разрешение вопроса: кто подошел ближе к истине - Маркс или Рикардо? Харазов сознательно встает на точку зрения Маркса, считая, что только у него есть строгое объяснение происхождения прибыли. Это значит, что равенство цены выражению $k(1 + p)$ точнее, чем ее равенство выражению стоимости классической школы $k(1 + m/k)$ (53).

Далее аргументация Харазова относительно общей средней нормы прибыли p развивается в направлении критики 2-го и 3-го аргументов Туган-Барановского (хотя критика в его адрес относительно ошибочного опровержения им закона тенденции содержится уже в 9 -10 главах). Общей основой является утверждение, что «у Маркса не теряется из виду внутренняя связь между ценой и израсходованным трудом - связь, без признания которой просто нельзя понять,

как развивается производительность человеческого труда в современном хозяйстве»(54).

Во второй книге «Система марксизма. Изложение и критика» (1910) Харазов создает собственную теорию цены (гл. VI-XII), которой мы здесь коснемся только в ее связи с отечественной традицией (гл. VI) (55).

Норма прибыли p , установленная конкуренцией, у Маркса зависит, во-первых, от наличия совокупного прибавочного труда M и, во-вторых, от величины всего общественного капитала K ; поэтому он делает ее равной средней норме прибыли $M : K$, которую Харазов обозначает P (56). Поскольку неоплаченная часть t товарной стоимости заменяется пропорциональной издержкам производства величиной kxP , то цена производства товара равна $k(i + p)$, и она же раньше была равна $k(1 + p)$. И обратно, добавляя еще условие, что сумма всех kxP должна равняться, с одной стороны, сумме всех t , а с другой - общей прибыли от всего прибавочного труда, можно получить для общей нормы прибыли p формулу $p = M/K$, или $p = P$. «Очевидно, что формула цены Маркса основывается на приеме, что цены капитала и прибавочного продукта - по-прежнему [посредством] капиталистической конкуренции - остаются равными их стоимостям... Она, по всей видимости, содержит в себе большую долю правды»(57).

Совокупный общественный продукт X производится общественным капиталом K , строение которого является средним с общественной точки зрения; по этой причине его цена у Маркса принимается равной его стоимости. X состоит из стоимости K и стоимости общественного прибавочного продукта, равной M ; в случае простого воспроизводства он

состоит из различных предметов роскоши. По Марксу, оба основных компонента $X - K$ и M - продаются каждый для себя также по своей стоимости. «Однако для этого не хватает необходимого условия, так как они, со своей стороны, производятся капиталами, строения которых отличаются от среднего с общественной точки зрения»(58).

Если совокупное производство G разложить на две части - G и L , в которых соответственно воспроизводится K и производится M , так что G состоит из отраслей, производящих различные средства производства (включая рабочую силу, или реальную заработную плату), а L соответствует общественному производству предметов роскоши, то далее, по Харазову, будет происходить следующее. Обозначая капиталы, находящиеся в G' и L за K' и M' соответственно, получим, что сумма $K' + M'$ равна K , который воспроизводится в G' . Таким образом, K' - капитал, а $C' + ЛГ$ - годичный продукт выделенной части G' , из чего следует, что M' - прибавочный труд G' , M'/K' - норма прибыли в G' . Если M' - прибавочный труд в L , так что $M' + M'' = M$, то норма прибыли в L равна M''/M' . «Норма прибыли в G' зависит от распределения общественного капитала, норма прибыли в L , напротив, от распределения совокупного прибавочного труда между выделенными частями G' и L »(59).

В итоге получается, что формула цены Маркса является верной при равенстве всех трех норм прибыли (одна из них, естественно, средняя норма прибыли P): случай совершенно невероятный, если вспомнить об утверждении самого Маркса, что норма прибыли в отраслях, производящих предметы роскоши, всегда выше, чем в отраслях, производящих средства производства (60).

В соответствии с Марксовой формулой цены получается, что капитал K продается всегда выше, а прибавочный продукт M - всегда ниже своей стоимости; и общая норма прибыли p (рассчитанная в деньгах) будет всегда ниже P .

Поэтому утверждение о том, что «капиталы продаются в среднем по их стоимостям», не согласуется с тем, что «цены нескольких составных частей капитала стоят ниже, другие, напротив, выше своих стоимостей». Все составные части капитала (включая реальную заработную плату) принадлежат к средствам производства, то есть производятся в G' , где все частные нормы прибыли m_i/k_i стоят ниже средних норм прибыли. Из Марксовой теории цены в результате следует, что все средства производства, следовательно, и все капиталы продаются выше своих стоимостей.

«Прием, что, с одной стороны, капитал, а с другой – также и прибавочный продукт продаются по их стоимостям, ведет, таким образом, к неразрешимым противоречиям... Возникает альтернатива: либо сохранить положение о том, что совокупный общественный продукт продается по своей стоимости, цены капиталов, напротив, отклоняются от их стоимостей; или же отказаться от равенства цены и стоимости для совокупного продукта и держаться только за предпосылку, что цены капиталов следуют в среднем их стоимостям. Мы выбираем вторую возможность...» (61).

Таким образом, Харазов принимает формулу цены

$$k(1 + p)$$

Для определения p он берет цену общественного капитала $K'(1 + p)$ и цену прибавочного продукта $M'(1 + p)$. Тогда

$p = M'/K'$, или же $p = P'$, где P' - средняя норма прибыли в

G' , а не в совокупном производстве G . Тогда формула цены - $k(1 + P')$. Цена прибавочного продукта теперь равна

$M'(1 + P')$, она, следовательно, отличается от его стоимости (62).

Достигнутый Харазовым результат сводится к тому, что, во-первых, общая норма прибыли зависит исключительно от прибавочного труда и капитала части G' , а не G (как полагал Маркс), в связи с чем возникает фундаментальное различие между этими двумя частями общественного производства C' и L , «которое является чрезвычайно важным и от которого нельзя отделаться несколькими словами»; и, во-вторых, прибавочный труд, который расходуется в части L при производстве прибавочного продукта, не влияет на устанавливаемую конкуренцией общую норму прибыли, что, «кажется, противоречит основной мысли теории стоимости, будто прибыль вообще происходит от прибавочного труда» (63). Тем самым вносится первая значительная поправка в Марксово учение о цене, связанная с заменой P на P' и совершенно самостоятельно, по мнению Харазова, следующая из него; но также оказывается, что и «цены капиталов, равно как и общую норму прибыли, можно рассчитать гораздо более точно» (64).

Таким образом, развитие отечественной традиции в осмыслении «Капитала» как единого целого показывает, насколько глубоко было понято Харазовым значение закона стоимости I тома и доктрины «чистого продукта» Кенэ (в качестве одного из главных достижений «Экономической таблицы») в ее применении к Марксову политико-экономическому наследию. Но здесь уже впервые наметился водораздел между его последующей теорией, с одной стороны,

и аргументами Туган-Барановского и Борткевича - с другой. Однако эта тема, равно как и влияние идей Харазова на западную экономическую мысль, в частности на так называемое «неорикардизмство», - предмет отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Мы благодарны за ценную помощь при сборе информации о жизни Харазова Л.Л. Васиной (РГАСПИ, проект МEGA), а также – за ряд сведений о раннем периоде его деятельности – японскому исследователю К. Мори (Kenji Mori).

(2) Математика была основной специальностью Харазова; второй специальностью были физика и механика. См.: Charasoff G. von. Arithmetische Untersuchungen über Irreduktibilität. Heidelberg: Universitätsbuchdruckerei von J. Horning, 1902. Отмечена в разделе: «Высшая математика»: Bulletin of the American Mathematical Society (N. Y.) 1903. Vol. 9, № 8. P. 449; Vol. 10, № 3. P. 164.

(3) Matrikledition der Universität Zürich. No 20083.

(4) Есть свидетельство о том, что Харазов вернулся в Грузию еще в 1914 г. (Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4: Повести. Статьи. Очерки. М.: Художественная литература, 1991. С. 842). Здесь, однако, не место выяснять детали биографии Георгия Артемовича, которые затрагивают судьбы его детей, особенно дочери Елены Георгиевны Харазовой (1903 - 1927) - талантливой поэтессы, которая в 1920-х годах была членом Всероссийского союза поэтов.

(5) «Война, бросившая в Закавказье вместе с армиями немало литераторов и художников, вслед за нею революция, задержавшая эти силы за рубежом, и, наконец, республики,

возникшие в Закавказье, дали мощный толчок художественной жизни, породили самые разнообразные течения, создали новые издания, национальные искусства и театры» (Городецкий С. Искусство и литература в Закавказье в 1917-1920 гг. // Книга и революция. 1920. № 2. С. 12).

(6) См., например: Харазов Г. А. Фуга [Стихотворение] // Ars. Тифлис, 1919. № 1. С. 51-52. Журнал «Ars» был одним из пяти литературно-художественных журналов, выходивших в Тифлисе; издавался Анной Антоновской (будущим автором известного романа «Великий Моурави»), редактировался Сергеем Городецким. Название происходит от наименования культурного центра «Артистериум».

(7) Харазов Г. А. Сон Татьяны: (Опыт толкования по Фрейд) [Статья] Ars. Тифлис, 1919. 3 №1. С. 9-20. Привыкший читать и писать по-немецки, Харазов опирался в своем исследовании не только на «Толкование сновидений» (М., 1913), но и на не переведенные к тому времени на русский язык «Тотем и табу» (рус. пер. 1923) и «Лекции по введению в психоанализ» (рус. пер. 1922).

(8) «Остроумный и простой вывод формул преобразований Эйнштейна-Лоренца (из преобразований Галилея -Ньютона. - П. К.), который мы сейчас рассмотрим, принадлежит... талантливейшему теоретику проф. Г. А. Харазову» (Тимирязев А. К. Введение в теоретическую физику. М.-Л.: ГТТИ, 1933. С. 365-367).

(9) Малый принцип относительности (доклад Г. А. Харазова) // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. XII. С. 321-325. К этому времени, по всей вероятности, Харазов уже переехал в Москву.

(10) «Смерть профессора Харазова. Кичкас, 5 марта.

(По телегр.). В ночь па 5 марта скоропостижно скончался приглашенный временно в Энергетический институт на Днепрострое проф. Харазов Георгий Артемович» (Известия. 1931. 6 марта. С. 6).

(11) Сталинские расстрельные списки. АП РФ. (Т. 5.) Он. 24. Д. 413. Л. 27. № 363. Обвинен по 1 категории от 22 ноября 1937 г. по Грузинской ССР.

(12) Stadtarehiv Zurich V. E. Aktcn der Fremdenpolizci 1916-1950. Sehachtcl 4. S. 45. Под фамилией Харазов в этой случайным образом найденной записи в актах швейцарской полиции, ведающей делами иностранцев, Сергей (Sergius, 1910 г.р.) числится поставленным на учет в период 1916 - 1921 гг. Ср. также посвящение в первом значительном экономическом произведении Харазова: «Моим любимым детям Александру, Артуру и Елене» (Charasoff G. von. Karl Marx liber die menschliche und kapitalistische Wirtschaft. Eine Darstellung seiner Lehre. Berlin: Hans Bondy, 1909. Далее ссылки па эту книгу оформляются так: 1, номер страницы).

(13) Ср. посвящение в основном экономическом произведении Харазова: «Моим друзьям Марии Харазовой и Отто Буску (Marie Charasoff und Otto Buck)» (Charasoff G. von. Das System des Marxismus. Darstellung und Kritik. Berlin: Hans Bondy, 1910. Далее ссылки па эту книгу оформляются так: 2, номер страницы).

(14) О том, что это наследие существовало, свидетельствует, в частности, следующая заметка: «Указанные выше формы звукописи (звуковая скрепа, звуковая гамма, определяющий звуковой комплекс, звукообраз. - П. К.) мы можем обнаружить и у Гомера (это доказано в замечательных работах проф. Г. А. Харазова, к сожалению, погибших в Вели-

кую Отечественную войну), и у Вергилия (это показал В. Брюсов)...» (Гербстман Л. Звукопись Пушкина / Вопросы литературы. 1964. № 5. С. 191 - 192). Если же учесть высказывание Гербстмана о том, что «в то время как метрика, строфика, рифма Пушкина исследованы достаточно широко и убедительно, звукописи великого художника явно не повезло: если пс считать разрозненных, случайных высказываний, ей посвящены всего лишь две-три статьи В. Брюсова, написанные в 20-х годах XX в., да и то с позиций «формальной школы», рассматривавшей и звукопись как сумму приемов, в полном отрыве от содержания, смысла, идейной сущности произведения» (Там же. С. 178-179), то передовые позиции творческого наследия Харазова станут тем более очевидными.

(15) 1, S. I.

(16) Мы следуем подразделению воспроизводственной традиции, изложенному в статье «Ревизия неорикардической теории ценности и распределения: новые свидетельства и новые горизонты» (Вопросы экономики. 2007. №5. С. 119 - 120, 130, 137).

(17) Ср.: «...Я рассматриваю всю теорию стадий производства (Produktionsstufen) в качестве собственного достояния, так как я полностью самостоятельно разработал ее уже много лет тому назад... Я должен отметить, что мог изучать труды теоретиков субъективного метода только в течение последних 4 лет (т. с. с 1905 г. - П. К.), когда мои собственные взгляды в результате долгосрочного чтения сочинений Маркса уже в своих основных чертах оформились» (2, XIV. 24 декабря 1909).

(18) Суждение о том, что «легкое разрешение Туган-Барановским противоречия между теорией предельной

полезности и теорией объективной меновой ценности не встретило в ней (в российской литературе. - П. К.) сочувствия» (Железнов В. Я. Россия // Русские историки экономической мысли России: В. В. Святловский, М. И. Туган-Барановский, В. Я. Железнов/ Под ред. М. Г. Покидченко, Е. Н. Калмычковой. М., 2003 [Wien, 1927]. С. 285), не является здесь аргументом, так как традиция «органического синтеза» не тождественна традиции, связанной с анализом учения Маркса в «Капитале».

(19) Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. М.: Наука; РОС-СПЭН, 1997 [1894, нем. изд. 1901]. С. 267. Это расширение рынка происходит безо всякого нарушения баланса между общественным спросом и общественным предложением, хотя наблюдается рост общественного производства при одновременном (сколь угодно мыслимом) сокращении общественного потребления (см.: Там же. С. 257 и др.)

(20) Дмитриев В. К. Теория ценности (Обзор литературы на русском языке) [1908] Дмитриев В. К. Экономические очерки. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. С. 480.

(21) Дмитриев В.К. Экономические очерки. С. 59-60. Указание сделано в связи с критикой построений Туган-Барановского как относительно идеи «органического синтеза», как и собственно трудовой теории ценности (см.: Туган-Барановский М. И. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юридический вестник. СПб., 1890. Т. 6, кн. 2, № 10. С. 223). По мнению Дмитриева, такое соединение теории ценности Маркса с теорией окольных методов производства Бем-Баверка - Визера является совершенно произвольным предположением, которое в конечном итоге не позволило Ту-

ган-Барановскому, во-первых, достичь «органического синтеза» и, во-вторых, критически-конструктивным образом отнестись к Марксовой теории ценности $O = c+v+t$.

(22) Дмитриев В. К. Экономические очерки. С. 234, 242. Сравнение ведется как раз с теорией Туган-Барановского (с. 239).

(23) Важно отметить, что теория рынка стремилась снять «полное противоречие» между теорией рынка III тома и схем воспроизводства II тома, который был разработан позже всех (Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. С. 251).

(24) Туган-Барановский М. PL Указ. соч. С. 313 и др. Ср. также замечания об этом во 2-м (1900) и 3-м (1914) изданиях «Кризисов»; любопытно, что в 1-м (1894) оно как раз отсутствует.

(25) Характерным примером в истории отечественной мысли может служить творческий путь Н. Д. Кондратьева, который до 1930-х годов развивал идеи Туган-Барановского в теории кризисов и циклов без прямой опоры на его теорию рынка и на Маркса.

(26) Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма (1905). Цит. далее по 4-му изд.: М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1918. С. 193.

(27) Впрочем, можно обнаружить и своеобразную русскоязычную традицию в исследовании теории рынка Туган-Барановского, связанную с именами его ученика Н. Бернштейна (1911), а также Л. В. Курского (1916).

(28) Bortkiewicz L. von. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System, Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen, 1906. Bd. 23, Heft 1. S. 48-49.

(29) Об аргументе 1 см.

ниже. Аргумент 2: если даже верен аргумент 1, то все равно отсутствует связь между строением общественного капитала и общей нормой прибыли, так как по теории цен производства нет никаких оснований предполагать тождественным строение капитала в производстве общественного продукта со строением капитала в производстве общественного капитала. «Общая норма прибыли не совпадает с отношением прибавочной ценности к общественному капиталу» (Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. С. 143 - 144).

(30) Он моделировал вторую причину как случай технического прогресса, когда часть прибавочной стоимости первого подразделения капитализируется, после чего вследствие увеличенного общественного продукта рабочие также «выигрывают от поднятия производительности труда: их реальная заработная плата возрастает на 10%». Тем самым Туган-Барановский стремился, во-первых, обнаружить действие закона тенденции в самой резкой форме (Маркс предполагал реальную заработную плату неизменной, при существовании, в общем, обратной зависимости между нормой прибыли и заработной платой), и, во-вторых, «не казаться сторонником железного закона заработной платы» (Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. С. 148-149, 151).

(31) Тем более что сам Туган-Барановский так выразил свой первый аргумент: на уровне отдельных предприятий внутриотраслевые нормы прибыли не зависят от строения капиталов, так как «товарные цепы, а следовательно, и норма прибыли складываются на основе не абсолютной трудовой стоимости, но на основе капиталистических издержек производства... С этой последней точки зрения

ист никакой разницы между затратой капитала в форме заработной платы или средств производства» (Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. С. 141).

(32) Bortkiewicz L. von. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1907. Bd. 25, Heft 1. S. 35. Согласование теории Рикардо с Марксовым разделением капитала на постоянный и переменный, которое «тянулось через все три тома «Капитала» и скорее препятствовало той цели, которую поставил себе Маркс, чем шло ей на пользу» (S. 32), было осуществлено с помощью фактора времени (продолжительности процессов производства).

(33) «В противоположность этому вопрос об отклонении цен от ценностей уходит у него (Рикардо. - П. К.) на задний план. Ведь постановка принципа исчисления цены на место исчисления ценности оказывается в рикардовском изложении в известной степени только частным случаем повышения нормы прибыли, которая при этом возрастает от нуля до какой-либо положительной величины» (Bortkiewicz L. von. Op. cit. Heft 1. S. 43).

(34) Дмитриев В. К. Экономические очерки. С. 80 - 81; Bortkiewicz L. von. Op. cit. Heft: 2. S. 445.

(35) Bortkiewicz L. von. Op. cit. Heft 2. S. 446. По этой причине «доказательство независимости органического строения капитала от нормы прибыли ему не удалось... Утверждение [такой связи] делают полностью безосновательным как раз сами схемы Туган-Барановского» (Bortkiewicz L. von. Zur Berichtigung der grundlegenden theoretischen Konstruktion von Marx im dritten Band des «Kapital» // Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik. 1907. Bd. 34. S. 335).

(36) «У Маркса исчисление цены скорее является необходимым следствием того факта, что прибыль на капитал как таковая существует и выражает известную тенденцию к выравниванию [прибылей в отдельных отраслях производства]» (Bortkiewicz L. von. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System. 1907. Bd. XXV. Heft 2. S. 475).

(37) Bortkiewicz L. von. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System. 1907. Bd. 25, Heft 1. S. 35-39. У В. Парето в его «Manuel d'économie politique» (Paris: Giard et Briere, 1909. P. 241) звучит фактически та же мысль: что понятие ценности было специально изобретено слабо подготовленными в математике теоретиками издержек производства, чтобы вырваться из «порочного круга» определения ценностей из ценностей (Харазов был знаком с этой работой Парето).

(38) Bortkiewicz L. von. Zur Berichtigung der grundlegenden theoretischen Konstruktion von Marx im dritten Band des «Kapital». S. 319-335. Борткевич осознавал, что таким образом нашел срединный конструктивный путь между уничтожающей критикой Маркса и полным отсутствием такой критики.

(39) Начало было положено японской школой г. Киото в лице К. Шибаты, который, видимо, был первым, кто еще до работы П. Суизи (1942) оцепил значение «трансформационной процедуры» Борткевича (Shibata K. On the Law of Decline in the Rate of Profit Kyoto University Economic Review. 1934. Vol. IX. P. 63).

(40) С точки зрения развития традиции следует признать большим недостатком игнорирование этой работы в трудах западных ученых (см., например: Курц Х., Сальвадора И. Теория производства: долгосрочный анализ. М.: Финансы и статистика, 2004. С. 433).

(41) Bortkiewicz L. von. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxsehen System // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1906. Bd. 23. Heft 1. S. 4. Впрочем, в более общем случае Харазов стремится исправить положение, сложившееся в тогдашней литературе о Марксе, когда вот «уже без малого двадцать лет представители политико-экономической пауки имеют в лице господ Цукеркандтля и фон Бем-Баверка высказанное ими странное мнение, будто Маркс намеренно прополисе свое учение в неясной, диалектически заостренной форме... а в последнее время эта мысль снова повторяется берлинским университетским профессором» (1, S. i - ii).

(42) 1, S. 6-7.

(43) «Если хозяйство в состоянии осуществлять технический прогресс, то в нем всякий раз денежные цены должны измерять труд, воплощенный в товарах, - в этом как раз и состоит закон стоимости. Если денежные цены пропорциональны количеству труда, воплощенным в товарах, дороже стоят как раз те товары, которые труднее производить, так что производители... испытывают необходимость развивать производство в направлении возрастающей производительности человеческого труда» (1, S. 11 - 12).

(44) 1, S. 18.

(45) В указанном выше примере прибыль появится, если а) мера зерна будет иметь денежную цену (например, в 1 единицу) и б) заработная плата будет меньше денежного эквивалента, получаемого рабочими (например, 50 вместо положенных 100, когда «места для прибыли не остается»). См.: 1, S. 20-21.

(46) «Следовательно, по трудовой теории прибыль является не чем иным, как выражением несовпадения общественного и индивидуалистического понимания издержек производства»

(1, S. 22).

(47) Причем в этом пункте теряется даже различие между качественным (Бем-Баверк) и количественным (Борткевич) вариантами этого противоречия.

(48) «Лучше всего проследить [этот процесс] отклонения можно, если исходить из предпосылки, что первоначально на рынке господствовал закон стоимости, а затем с течением времени постепенно был вытеснен законом пропорциональности капиталов и приносимых ими прибылей» (1, S. 52). Здесь Харазов фактически показывает беспочвенность возврата Борткевича к Рикардо.

(49) Здесь, на одной странице текста, Харазов в рамках Марксовой теории четко формулирует то, что впоследствии было названо «эффектом Рикардо» (1, S. 54 - 55).

(50) «Закон стоимости в его первоначальной чистой форме нарушается, однако теперь начинает господствовать закон равной нормы прибыли, который в силу необходимости развивается из конкуренции капиталов... Это как раз то, что Маркс в III томе добавил к своему учению о стоимости, изложенному им в I томе «Капитала», и то, в чем его критики усматривают неразрешимое противоречие, отказ от всей теории стоимости» (1, S. 55).

(51) «Прежде чем говорить о законе распределения прибыли, нужно сначала ответить па вопрос, что, собственно, есть прибыль... Г-н профессор] Л. фон Борткевич хочет ввести в пауку самостоятельный метод исчисления, по которому норму прибыли можно сделать независимой от теории стоимости «корректным математическим выражением», и то же время, однако, он сам соглашается, что факт прибыли может быть объяснен только на основании теории прибавочной стоимости, которую он называет «те-

орией вычета» (Abzugstheoric)» (1, S. 57).

(52) «Вообще, имеется очень немного задач – и не только в политической экономии, по также и в таких точных науках, как физика и механика, – которые можно было бы разрешить без какой-либо ошибки. Однако важна не ошибка, а ее величина, и это обстоятельство критики оставили без внимания на непонятным причинам» (1, S. 63 - 64).

(53) «Следовательно, если установить цену капитала равной его стоимости, совершается намного более незначительная ошибка, чем в случае, когда это приравнивание осуществляется для каждого отдельного товара» (1, S. 65).

(54) Он соединяет это утверждение с необходимостью – для ответа критикам – создания более точного учения о пенс: «Со времен Маркса дело в этой области не подвинулось ни на шаг, и мы до сих пор не имеем никакого учения о цене, которое внесло бы достойные упоминания заметные коррективы в Марксову формулу» (1, S. 66). В приложении к гл. VIII (1, S. 67 - 69) он вкратце излагает свой метод, изобретение которого нужно датировать не 1910-м, а как минимум 1908-м годом.

(55) «В этой книге представлена попытка разработать и усовершенствовать марксистскую, или, говоря более общим языком, классическую экономию в позитивном направлении» (2, S. i). Ср. критику в адрес Бем-Баверка в полном соответствии с традицией Дмитриева-Шапошникова- Борткевича: «Он совершенно удовлетворен своим объяснением прибыли и совсем не хочет замечать, что определенные товары, такие, как уголь, железо, машины и тому подобные, расходуются в их же собственном, производстве» (2, S. 8. xx).

(56) Поскольку нотация в первой и второй книге различается, мы выбираем компро-

миссный вариант (р у Харазова именуется во второй книге как R, а k – как w').

(57) 2, S. 74. И тем не менее далее эта формула исследуется как раз на предмет величины ошибки.

(58) 2, S. 74.

(59) 2, S. 75.

(60) Харазов не ограничивается подобным указанием, а приводит еще логическое обоснование (2, S. 75-76).

(61) «Она кажется нам гораздо плодотворнее и убедительнее, чем первая; также она сохраняет в силе прекрасное доказательство Маркса, что капиталистическое производство сводится в своей основе к экономике оплаченного капиталом труда» (2, S. 76-77). Первое замечание направлено против Борткевича, второе – против Туган-Барановского (ср.: 2, S. 164 - 166).

(62) «Ту часть Марксова учения о цене, по которой именно прибавочный продукт продается по его стоимости, нужно поэтому окончательно отвергнуть; однако можно сохранить последующее утверждение, что капиталы по меньшей мере приблизительно оцениваются по содержащемуся в них труду. Здесь Маркс в конце концов оказывается прав, и в этом отношении закон стоимости для капиталистического производства остается» (2, S. 78).

(63) 2, S. 79. Этими двумя установленными положениями Харазов указывает на последующий скрупулезный анализ Марксовой теории, изложенной в «Капитале», сквозь призму идеи кругооборота «чистого продукта» физиократов (на основе усложнения приведенного выше примера).

(64) 2, S. 78.

(65) Вопросы экономики, от 19.02.2008. <http://www.finanal.ru>

ЛЕТОПИСЬ МОЕЙ ЖИЗНИ

А.В. Чечеткин, профессор

Из давней истории Менделеевки известно, что на Миусах готовили специалистов по «теплотехнической специальности». У истоков подготовки инженеров-технологов теплотехников стояли профессора с полузабытыми сегодня именами: Филадельф Иванович Кругликов, В.В. Краснопольский, Николай Иванович Краснопевцев. В начале 1930-х большинство сотрудников кафедры теплотехники ушли с МИХМом в район Басманных улиц. На Миусах осталась кафедра «Теплотехники и технической термодинамики», которая до 1980-х вела два общих курса. После войны кафедру возглавлял профессор Николай Васильевич Трубников, ученик И.А. Тищенко по ИМТУ.

Проблем у студентов тех лет с кафедрой теплотехники почти никогда не было – лекции, лаборатории, проект, экзамены. Все было на добром по отношению к студентам, «рабочем» ходу, поэтому светлеют глаза выпускника и появляется улыбка на лице, когда вспоминают преподавателей кафедры: Александра Васильевича Чечеткина, Федора Михайловича Костерева, Александра Ивановича Демтьева и др.

Сегодня мы вспоминаем профессора А.В. Чечеткина по случаю его 100-летия со дня рождения (3 ноября). Вниманию читателей «Вестника» – статьи из «Менделеевца» и мемуары юбиляра, написанные им в конце жизни и подготовленные для печати его детьми – дочерью Еленой (с ее комментариями) и сыном Михаилом, выпускниками Менделеевки.

Первый бой под Оршей «Менделеевец» №35/1981г.

23 июля 1941 г. На этот день назначена защита кандидатской диссертации Сашей Чечеткиным, заканчивающим аспирантуру в Московском институте химического машиностроения. Но планам, замыслам, мечтам, надеждам многих и многих людей не суждено было сбыться. В жизнь страны, жизнь каждого человека вошло тревожное слово – война. И в дни, когда мы отмечаем 40-летие битвы под Москвой, мы с особой болью думаем о тех, кто прошел самыми первыми фронтовыми дорогами, кто испытал всю тяжесть и скорбь тех дней – и победил войну.

Уже 29 июля Александр Васильевич Чечеткин был направлен на фронт командиром роты. Положение было крайне тяжелым и опасным. И при воспоминании о войне у Александра Васильевича всегда перед глазами тот – самый первый бой 31 июля 1941 г. под Оршей. Из 157 человек остались живы лишь 17. «Это самое страшное и самое сильное воспоминание о войне, – говорит Александр Васильевич, – хотя позже я бывал на многих фронтах и видел разные ситуации. 8 октября в результате усиленного наступления немцев был прорван фронт на Вяземско-Волоколамском направлении. Дивизия, в составе которой я тогда воевал, 16 октября на рассвете вошла в Москву. Столицу необходимо было защитить не только от наступающих немецких армий, но и очистить город от диверсантов, паникеров, помочь эвакуирующимся, разъяснить растерявшимся обстановку. Я в то время был начальником штаба батальона.

За выполнение важного государственного задания А. В. Чечеткин награжден орденом Красной Звезды. Кроме этой, самой дорогой и памятной награды, у Александра Васильевича медали «За оборону Москвы», «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны», все юбилейные медали.

Удивительна энергия этого человека, так много сделавшего в жизни, не устающего дарить людям частицу себя. Он очень хорошо знает музыку. 30 лет играл в оркестре на скрипке, любит фортепьяно, когда-то сам писал музыкальные произведения. Знает и любит архитектуру, поэзию, страстный кинолюбитель. Но это увлечения для души в свободное время, которого не так уж много.

А. В. Чечеткин – председатель НМС по теплотехнике при УМУ Минвуза СССР, профессор кафедры процессов и аппаратов. Александр Васильевич считает себя счастливым человеком – всегда он отдавал свои силы, энергию, сердце и душу людям.

М. Доби́на, И. Коно́валова

Наши юбиляры

«Менделеевец» №33/1983

Александр Васильевич Четкин по нашей просьбе дает короткое интервью. Скорее это беседа-воспоминание о былом.

- Ведь Вы не были кадровым военным?

- До 28 июня сорок первого я был аспирантом в МИХМе, а 30 июня уже сформировал стрелковую роту. В то суровое время необычными были сроки для перехода от гражданской специальности к военной, от аспиранта до командира роты.

- А защита кандидатской диссертации так и не состоялась?

- Через два с лишним года в один из приездов в Москву защита все же состоялась. Об итогах тайного голосования я тогда так и не узнал. Примерно через час после окончания был уже в пути на один из фронтов Великой Отечественной войны.

Профессор, доктор технических наук, А.В. Четкин, вспоминая то далекое, но никогда не покидающее нашу память, время, непривычно спокоен и серьезен. Глядя на этого энергичного, очень подвижного человека, с мягкой приветливой улыбкой и задорными искорками в глазах, трудно представить, что Александру Васильевичу Четкину, доктору технических наук, профессору кафедры процессов и аппаратов химической технологии, исполняется в эти дни 70 лет.

Коренной москвич, сын рабоче-железнодорожника, родившийся в преддверии революционной бури, А. В. Четкин прошел трудный путь. Рано лишившись поддержки родителей, вынужденный часто совмещать учебу с работой, Александр Васильевич настойчиво стремился к профессиональному совершенствованию, в 1931 закончил техникум,

в 1938 – МИХМ. в 1941 – аспирантуру МИХМа. Творческие планы молодого ученого были прерваны общей бедой страны. После того памятного боя под Оршей были новые тяжелые бои, была горечь отступления, участие в обороне Москвы в трудные дни осени 1941 года. Потом – напряженная работа по совершенствованию оборонной техники. Вклад 30-летнего инженера в оборону отмечен в 1943 году орденом Красной Звезды.

С первых послевоенных лет научная деятельность Александра Васильевича концентрируется на исследовании физико-химических свойств высокотемпературных теплоносителей. Практически была создана новая область науки о теплообмене, порожденная требованиями энергетики и химической технологии. Результаты этих исследований получили широкое признание. Монография А. В. Четкина «Высокотемпературные теплоносители» неоднократно издавалась в нашей стране и за рубежом.

С 1948 года начинается научная и педагогическая деятельность Александра Васильевича в нашем институте. Многие поколения выпускников МХТИ помнят яркие, содержательные, эмоционально насыщенные лекции доцента, затем профессора, заведующего кафедрой технической термодинамики и теплотехники. Высокая профессиональная эрудиция, нестандартность научного мышления и открытый характер всегда влекли к Александру Васильевичу молодежь. За 35 лет работы в институте профессор Четкин подготовил целую плеяду молодых ученых.

Атмосферу подлинного творчества вносит Александр Васильевич в методическую работу по совершенствованию преподавания технической термодинамики и теплотехники, возглавляя с 1971 года научно-методический совет при Минву-

зе СССР. В последние годы им проделана кропотливая работа по коренной перестройке курса теплотехники, по существу создана программа нового курса – энерготехнологии химических производств.

Многосторонняя одаренность, духовная неуспокоенность не позволили Александру Васильевичу замкнуться в сфере профессиональных интересов. Через всю его жизнь проходит чистая, светлая нота – любовь к музыке. В течение 40 лет, начиная с 1925 года, Александр Васильевич играл в любительских симфонических оркестрах, одновременно учился в техническом вузе и музыкальном училище, серьезно занимался композицией. Весной 1941 года аспирант МИХМа А. В. Четкин представил свои сочинения на суд известному советскому композитору Н.Я. Мясковскому, получил поддержку и добрые напутствия на этом пути. Выбор сделала война, однако скрипка продолжала звучать в немногие часы досуга в кругу близких и в концертных залах Москвы.

Вероятно, неодолимая тяга к прекрасному в жизни определила и другое увлечение Александра Васильевича – создание любительских фильмов. Значительные по замыслу, полные поэзии и любви к русской природе ленты к тому же великолепно озвучены, музыка часто звучит в исполнении Александра Васильевича.

Общине с человеком щедрой души, открытого характера, творческой и богато одаренной личностью всегда было лучшей формой воспитания молодежи. Это в полной мере чувствуют все, кто встречается с Александром Васильевичем на работе, слушает его лекции, консультируется по научным вопросам, вместе отдыхает.

Коллектив кафедры

1. ДЕТСТВО

Я родился 3 ноября (по старому стилю 21 октября) 1913 года в Москве. Мне уже было 4 года, когда совершилась Октябрьская революция. В моей памяти об этом событии остался только один случай. В нашу квартиру буквально влетел Колька-«булочник», ученик 2-го класса Второго реального училища и сказал моему старшему брату Коле – его товарищу по училищу и по дому: «Колька! Бежим бить околочного!» То есть, участкового...

Мой отец, Чететкин (Арсентьев) Василий Дмитриевич, родился в селе Жоково Михайловского уезда Рязанской губернии 12 апреля 1874 года. Летом 1888 года он окончил четырехлетнюю церковно-приходскую школу и уже 15 октября этого же года поступил в трактир Зверева в Гавриковом переулке Москвы в качестве мойщика посуды. Проработав там около трех лет, 22 июня 1891 года отец поступил на должность официанта в ресторан гостиницы «Россия» на Петровских линиях Москвы. В 1909 году он вместе с несколькими официантами этого ресторана открыли свой ресторан, который, не выдержав конкуренции, «прогорел». Отец вложил в предприятие все свои сбережения – для него это было большой трагедией, и он заболел острым катаром желудка.

Лечился в Кисловодске на средства своего брата, фельдшера.

10 июля 1913 года отец поступил в Управление Спальных вагонов Прямого Сообщения на должность старшего официанта. Освоил разговорную немецкую речь и был переведен на должность проводника Спального вагона Прямого Сообщения. На этой должности он проработал с 1914 до 1932 года, заболел раком желудка и осенью 1936 года умер.

Отец очень любил музыку, хотя сам ни на чем не играл.

Моя мать, Чететкина Варвара Федоровна (1882-1923), урожденная Матвеева, мещанка. Как я помню, мама нигде не работала – у нее было 9 детей, из которых двое умерли в возрасте трех лет. Мать нас воспитала в патриархальной и религиозной традициях, и очень вкусно кормила, хотя время было голодное. Мама имела хороший музыкальный слух, прекрасно играла на гармошке. Мама умерла очень рано, в июне 1923 года.

Я любил и хорошо помню своих братьев и сестер: Капитолину (1900-1969), Николая (1905-1983), Любовь (1907-1979), Михаила (1910), Нину (1912-1987), и Бориса (1916-1986). Капа и Люба, будучи девушками, учились бальным танцам у известного тогда танцора Цармана. Михаил увлекался шахматами и туризмом, Борис – театром и эстрадой, Николай, как и я – музыкой. Коля был одаренным музыкантом, хотя был, как и все мои братья, инженером.

Наша семья жила в доме 10/31 по Малой Сухаревской площади. Это – угловой дом на Сретенке; соседний с нашим домом по Сретенке дом 29 был церковью «Троица во листах» с колокольней и воротами – памятником архитектуры 17 века (фото 1). В этой церкви крестили всех братьев Чететкиных, в том числе и меня. Церковь сломали в 1932 году и восстанови-

ли только в 1992 году, да и то без колокольни.

Наш дом, четырехэтажный, принадлежал купцу Серебрякову; все квартиры он сдавал торговцам и ремесленникам, обслуживавшим рынок. Дом коридорного типа, с тремя-четырьмя комнатами в каждой квартире. Мы жили в четырехкомнатной квартире с русской печью, расположенной в четвертой комнате – кухне. Печь была большая и обогревала все остальные три комнаты. В кухне была только холодная вода. Освещение каждой квартиры – с помощью керосиновых ламп с абажурами или люстрами.

После Октябрьской революции наш дом, как и другие частные дома, стал государственным, и хозяин каждой квартиры платил за ее эксплуатацию государству, включая все коммунальные услуги.

Я хорошо помню эпоху событий в период с ноября 1917 года по 1923. Окна нашей квартиры выходили, как и ворота, на Малую Сухаревскую площадь, на которой был Сухаревский рынок – знаменитая «Сухаревка». С раннего утра и до позднего вечера в окна нашей квартиры врвался шум: крики продавцов, ломовых извозчиков и лихачей, звонки трамваев. Рядом с нашим домом, при доме №8 был большой луг, на котором мы играли в футбол и другие игры. В 1926 году сюда был переведен Сухаревский рынок, и поэтому в дальнейшем все наши игры проводились на нашем небольшом дворе.

Моя мама много внимания уделяла нам, детям, в том числе и мне. В то время в школу принимали только по достижении девяти лет. Мама стала готовить меня в школу за год. Я любил слушать сказки Андерсена, братьев Grimm и другие. Мама читала их увлекательно. Когда я попросил еще раз почитать эти сказки, она сказала: «Ты должен сам читать. Давай учиться читать». Она купила мне букварь, и

по нему стала ежедневно учить меня читать алфавит, читать по складам и считать.

В 1922 году я поступил в первый класс «А» Второго реального училища, которое с этого года стало называться 32-й трудовой девятилетней школой Краснопресненского района. Привел меня в школу мой старший брат Николай, который, как и я, с 1-го сентября начал учиться – в последнем девятом классе этой школы.

2. ОТРОЧЕСТВО

32-я школа была уникальной. Все преподаватели были высококвалифицированными учителями – все они были преподавателями Второго реального училища. Помимо классов, оборудованных красивыми партами и грифельными досками, были прекрасно оборудованные специальные помещения: физический и биологический кабинеты, химическая лаборатория, рисовальный класс, большой и малый актовый залы, в которых были физкультурные снаряды, и в которых проводились занятия по физкультуре и пению, а также давались различные концерты. В школьном дворе были площадки для спортивных игр (футбола, баскетбола и волейбола). В школу постоянно работали кружки рисования, литературы, фотографии; драматический, оркестр русских народных инструментов, а позже – симфонический оркестр. Руководителями их были сами преподаватели школы.

Я и мой старший брат Николай были большими любителями музыки. По-видимому, эта любовь была привита нам нашими родителями: мама любила петь и играть на гармошке; отец еще до моего рождения купил сначала граммофон с набором пластинок (на них были записаны русские народные песни, симфонические произведения, арии из опер), а позже – уже на моей памяти – купил старое пианино, на котором

учился играть Коля. Помимо пианино Коля самостоятельно научился играть на мандолине и совместно со своими школьными товарищами, тоже играющими на народных инструментах, организовал еще во Втором реальном училище оркестр народных инструментов.

Позже, в 1922 году, Коля помогал преподавателю биологии и химии Михаилу Павловичу Даеву организовать школьный симфонический оркестр. Оркестрантами были школьники и их родители. Коля очень быстро научился играть на кларнете, и играл на нем в оркестре до конца его существования, уже будучи студентом. Я любил ходить на все концерты и репетиции этого оркестра. На нашем старом пианино я подбирал на слух знакомые мелодии. Моим первым учителем на фортепьяно был брат Николай. Я очень любил слушать отцовский граммофон, ходить с Николаем на симфонические концерты в Большой зал консерватории и в Дом союзов.

Организатор симфонического оркестра нашей школы М.П. Даев был и дирижером этого оркестра, а позже он пригласил на это место известного в то время дирижера-композитора Шварца Александра Константиновича. Кстати, Шварц написал для нашего оркестра «Марш 32-й школы», который мы часто исполняли на концертах.

Для оркестра надо было систематически готовить новые кадры из рядов школьников – средства давал Совсод, с согласия РОНО. Мне дали бесплатно трехчетвертную скрипку, на которой я стал учиться играть с 1925 года. Моим первым учителем был скрипач оркестра Вахтангова Борис Владимирович Карпов – прекрасный музыкант, человек большой культуры. Я очень полюбил скрипку, успешно занимался, и уже через два года играл небольшие пьесы Баха, Глюка, Клементи, Люли, Шуберта, Шумана, Николаи и

др. С 1927 года я уже играл во вторых скрипках нашего школьного симфонического оркестра. У Б.В. Карпова я учился на скрипке до лета 1930 года, а с 1930 играл уже в симфоническом оркестре Сараджиева...

Если до 1923 года все свободное время я проводил в спортивных играх во дворе нашего дома, то после 1923 – на спортивных площадках 32-й школы, которая находилась в доме №8 по Садово-Самотечной улице. Недалеко от нее на Пименовской (ныне Краснопролетарской) улице при механическом заводе (теперь он называется завод «Тизприбор») был создан пионерский отряд №18 Краснопресненского района.

Осенью 1923 года мой одноклассник Коля Селезнев, пионер этого отряда, пригласил меня в отряд, как отличника школы. Надо сказать, что в то время в пионеры принимали только школьников примерного поведения и хорошей успеваемости. При школе были организованы так называемые форпосты, руководимые комсомольцами, которые следили за дисциплиной и успеваемостью пионеров и систематически давали о нас сведения в пионерский отряд.

21 января 1924 года вечером около 18 часов в Горках умер Ленин. Не помню, 22 или 23 января гроб с телом Ленина прибыл на Павелецкий вокзал. Я со своими товарищами приехали на вокзал на «буферах» трамвая (денег на билет у нас не было), и мы были свидетелями прибытия в Москву траурного поезда с гробом Ленина. Гроб был установлен в Колонном зале Дома Союзов для прощания народа с Вождем. От 32-й школы пошли в Дом Союзов только школьники 9-го класса, т.к. на улице было очень холодно. Я упросил брата Колю взять меня. К Дому Союзов шли несколько часов, отогревались около разведенных на улице костров. К сожалению, я отморозил ноги. 27 января

был очень холодный день (минус 27-28°). В этот день в 16 часов началась гражданская панихида на Красной площади. Пять минут гудели паровозные и заводские гудки, и палили пушки кремля. А я сидел дома с отмороженными ногами и плакал...

Увидел я Ленина в гробу в деревянном Мавзолее в марте 1924 года. В школе, в Большом актовом зале в феврале 1924 был траурный концерт памяти Ленина: школьники декламировали стихи, школьный симфонический оркестр играл траурные произведения классиков...

В 1924 году еще были два события в моей жизни: я начал заниматься фотографией и активной работой в пионерском отряде. Фотографировал на старом 12-ти кассетном аппарате марки Эрнеман. Снимал на пластинках «Ред-Стар», сам проявлял и печатал с них фотоснимки контактно 9x12 см. Позже, в 1932 году я купил себе отечественный аппарат с клап-камерой 6x9 см «Турист», с которого получал фотографии не только 6x9 см, но и – с помощью увеличителя – 9x12 и 18x24. В 1938 году я купил первую модель отечественного аппарата «Зоркий», а после Отечественной войны – трофейный немецкий аппарат с зеркальной камерой 6x9 см марки «Икофлекс», с которого получал хорошие фотографии 18x24 и 24x36 (с помощью отечественного увеличителя). Такие же фотографии (того же размера) я получал и с негативной пленки «Зоркого».

Моя активная деятельность началась с пионерского отряда №61 Рогожско-Симоновского района, созданного по месту работы отца, куда я перевелся из отряда №18 Краснопресненского района. Он находился на Земляном Валу (ныне улица Чкалова), между Курским вокзалом и Таганской площадью. В нем мы занимались работой в кружках и с беспризорниками: вечерами приходили к ним на ночлег (они ночевали у котлов

для варки асфальта), проводили с ними беседы, приглашали на наши вечера самодеятельности и, наконец, устраивали их в детские дома. К сожалению, беспризорников использовали в своих корыстных целях уголовники, которые настраивали бедных, неплохих ребят против нас. Как-то мы пришли к беспризорникам на ночлег, а они почему-то встретили нас песней: «Пионеры юные, головы чугунные, сами оловянные, черти оканные ...» После песни они стали нас бить, и мы вынуждены были ретироваться. Но это было только один раз, а вообще-то мы устроили два десятка беспризорников в детские дома нашего Рогожско-Симоновского района.

В 1926 году несколько пионерских отрядов детей железнодорожников, в том числе и наш, были объединены в один – «Кухбазу» (пионерская организация при Клубе им. Кухмистерова). Клуб находился на Гороховской улице, где теперь находится драматический театр им. Гоголя. Пионеры «Кухбазы» летом выезжали в лагеря с самостоятельным заработком на полях кулаков, но проживали не в палатках, а в стационарных помещениях, как правило, в домах бывших помещиков и дворян. Так, например, летом 1926 года наш лагерь в Лопасне (теперь Чехов) находился в усадьбе, в одном из флигелей которого жили предки А.С. Пушкина – его внук со своим сыном, мне ровесником. Он был очень хорошим, внимательный, воспитанный мальчик, с которым у меня была большая дружба.

В период с 18 по 25 августа 1929 года в Москве проводился Всесоюзный слет юных пионеров. Ему предшествовали две конференции пионеров Рогожско-Симоновского района и одна областная конференция Москвы и Московской области. Как активный, энергичный, с хорошо подвешенным языком, я был избран от «Кухбазы»

делегатом Первой (мандат № 276) и Второй (мандат № 29) конференций Рогожско-Симоновского района. На Второй конференции я был избран на Первую Московскую конференцию пионеров (мандат № 135), а последняя избрала меня от Московской организации пионеров на Всесоюзный слёт юных пионеров (мандат № 863). Слёт проводился в Центральном парке им. Горького. На слёте, кроме заседаний, были экскурсии в только что отстроенный гранитный мавзолей Ленина и Московский планетарий.

В марте 1930 года я, по рекомендации «Кухбазы», был принят в ряды ВЛКСМ (членский билет № 0389836, 7 марта 1930г.). В летние каникулы 1930 года был организован 40-дневный военизированный поход пионеров и комсомольцев в Крым. Я был участником этого похода. Мы ехали поездом, состоящим из нескольких десятков товарных вагонов с нарами на 40 человек в каждом вагоне. Поезд останавливался в каждом городе. В районе Сиваша у нас состоялась встреча с Чангарской дивизией; на этой встрече я выступал с приветственной речью. В Симферополе у нас была встреча с председателем Верховного Совета Крымской Республики тов. Петровским – я также был в составе этой делегации.

В Севастополе мы познакомились со всеми памятниками города-героя, города-крепости. Побывали на всех курортах Крыма. Сутки провели в Артеке – Всесоюзном санаторном пионерском лагере, расположенном вблизи Гурзуфа. Он был основан в 1925 году.

В трех километрах от Ялты мы посетили Большой Ливадийский дворец – бывшую здравницу русских царей. Дворец оставил большое впечатление, в том числе и оригинальные зеркала внутри дворца: если смотреть в них, то видишь отдельные пейзажи окружающей дворец

природы – и создается впечатление, будто ты находишься в первоклассной картинной галерее и любишь живописными пейзажами.

3. ЮНОСТЬ

В 1929 году 32-я школа-девятiletка превратилась в школу-семилетку с двухгодичными химическими курсами – вместо восьмого и девятого классов. По-видимому, программа первого и второго этих курсов практически мало отличалась от программы 8 и 9 классов школы-девятiletки: было несколько больше часов, отводимых на химические дисциплины. На этих курсах мне пришлось учиться всего один год, так как уже с 1 сентября 1930 года на базе школы-семилетки и спецкурсов был открыт Московский жировой техникум ОМПК РКХП РСФСР, и мы автоматически оказались студентами 2-го курса этого техникума.

При ликвидации школы-семилетки и спецкурсов школьный симфонический оркестр был ликвидирован, и мы, оркестранты этого оркестра, в основной своей части перешли в симфонический оркестр работников просвещения. Он находился в доме работников просвещения в Леонтьевском переулке.

После Крымского похода пионер-комсомольцев я перешел из «Кухбазы» в комсомольскую ячейку 32-й школы, которая с переходом школы в Жировой техникум стала ячейкой техникума. Как в техникум, так и в ячейку пришли поступившие в него новые молодые люди. Комсомольское собрание техникума на первом же заседании выбрали новое бюро; в него выбрали и меня. Секретарем ячейки был рекомендован райкомом некий Мальс (латыш) – я был выбран его заместителем.

Мальс был фанатик: он ко всем членам ВЛКСМ относился с подозрением, в каждом комсомольце видел врага. Был в нашем бюро некий Старостин,

сын колхозника. Как-то на бюро он сказал, что в его колхозе арестовали хорошо работающего крестьянина-середняка, объявив его подкулачником. Старостин был этим возмущен. Я тоже возмущился этим поступком председателя колхоза и секретаря партячейки. Наступила гробовая тишина... Мальс поставил вопрос об исключении из комсомола Старостина – а мне вынести выговор. Члены бюро не поддержали предложение Мальса, но тот добился своего: Старостина исключили из комсомола и техникума, а мой строгий выговор я опротестовал в райкоме. Этот выговор с меня сняли. Дальнейшую судьбу Старостина я не знаю; я же попросил освободить меня от члена бюро. Мою отставку приняли...

Я учился на отделении гидрогенизации жиров. В нашей группе было три отличника: Альфред Берлин, Ольга Халатова, и я. В июне 1932 года я окончил техникум и сразу поступил на работу в лабораторию химического сопротивления материалов ЦНИИТМАШа на должность лаборанта, где и проработал до февраля 1933 года. Летом 1932 года я держал экзамен в Московский институт химического машиностроения (МИХМ). Сдал все экзамены на пять, однако был зачислен студентом только вечернего отделения, поскольку у меня был рабочий стаж менее 2-х лет. Я окончил первый семестр вечернего отделения на все пятерки, и был переведен со второго семестра на дневное отделение – в группу глухонемых, так как обычные группы первого курса были переполнены. Вечерний же факультет МИХМа был ликвидирован.

В группе глухонемых я много научился их «языку», хотя в этом не было необходимости, так как кроме меня в этой группе было еще 2 человека нормальных (не глухонемых), и все преподаватели проводили занятия вслух – а переводчица

Каля «переводила» их на пальцах и мимикой. На лекциях группа глухонемых была в одном потоке со всеми студентами – им переводила Каля.

Еще в 1929 году, на первом курсе спецкурсов я познакомился с Игорем Митропольским. Познакомились на почве любви к фотографии, а еще раньше, с сентября 1928, мы встречались у моего преподавателя скрипки – Б.В. Карпова. Я познакомился с его семьей: отцом – Митропольским Василием Васильевичем, матерью – Еленой Аркадьевной, и 12-летней сестрой Олей, будущей моей женой.

Василий Васильевич был весьма эрудированным человеком в области истории, философии и политики. Он привил мне любовь к всемирной и русской истории, а также к философии. Именно благодаря Василию Васильевичу я, занимаясь в МИХМе изучением философии марксизма-ленинизма, самостоятельно познакомился с работами Гегеля, Иммануила Канта, Огюста Конта, Людвига Фейербаха, Фридриха Ницше и Артура Шопенгауэра.

Елена Аркадьевна была учительницей русского языка и литературы в средней школе. После Октябрьской революции она получила высшее образование, окончив в 1930 году Вечерний педагогический институт при Академии. Она была отличным преподавателем литературы в средних школах: ученики ее очень любили. Для меня, с 1923 года оставшегося без матери, Елена Аркадьевна была второй матерью. Позже, когда я стал работать педагогом, я старался ей подражать.

Летом 1933 года я впервые выехал с семьей Митропольских в село Обудово. Домик расположен в конце села на погосте. В свое время Василий Васильевич построил его для своей матери, Елены Гавриловны (умерла 26 июля 1929 года, в возрасте 86 лет). Домик утопал в зелени: в большом вишне-

вом саду между яблонями были грядки с ягодами и овощами, в том числе, с картошкой. Перед домиком стояла пихта, а по ее бокам – две большие ели.

Ежегодно, исключая годы Великой Отечественной войны, летом я отдыхал в Обудове, вплоть до 1972 года. До 1935 года, живя в Обудове, я наслаждался «малиновым» звоном колокола нашей церкви.

До Отечественной войны я брал с собой в Обудово скрипку и там, на лоне природы, играл. В Москве на Покровке были курсы общего музыкального образования (КОМО). Я вместе с моими товарищами Игорем Митропольским, Н. Акинфиевым и Андреем Аркадьевичем Ярыгиным поступили в класс скрипки. Нашим учителем был скрипач Борис Матвеевич Королев; он играл в оркестре Большого театра и по совместительству преподавал в КОМО. Кроме спецпредмета мы изучали теорию музыки, ритмику, сольфеджио и основы гармонии. Дополнительно я брал уроки на фортепьяно. Самостоятельно изучал учебники П.И. Чайковского «Руководство к практическому изучению гармонии» и Н.А. Римско-Корсакова «Практический учебник по гармонии». Для выпускного концерта я готовил первую часть скрипичного концерта Мендельсона и «Прелюд и аллегро» Пуньяни-Крейслера. К сожалению, окончить КОМО мне не удалось... Я совершенствовал игру на скрипке у известного преподавателя – скрипача Ржевцева.

В июле 1936 года я отдыхал в Туапсе у моего любимого дяди Гриши – Григория Дмитриевича Арсентьева, брата моего отца. Он всегда был моим идейным руководителем в жизни: по его совету я поступил в пионеры и комсомол. Дядя был членом Компартии с 1905 года. Во время Гражданской войны он сражался под командованием Михаила Васильевича Фрунзе, хорошо его знал. В Туапсе дядя

работал уполномоченным Совнаркома СССР по заготовкам сельскохозяйственных продуктов. При мне он работал с утра до позднего вечера, редко имея выходные дни.

Осенью 1936 года мне пришло письмо от тети Кати – жены дяди Гриши. Она писала, что дядю Гришу арестовали как врага народа, а ей предложили вместе с дочерью Вергинией [Виргинией? - ЕЧ] немедленно освободить квартиру и выехать к себе на родину в город Клин. Этим известием я был глубоко возмущен. Я решил, что в партии что-то неладно. Сталин стал для меня человеком чужим, и я решил выйти из комсомола. В то время я уже был студентом 5 курса МИХМ.

[ЕЧ (Здесь и далее комментарии Елены Четкиной): Как я помню из устных воспоминаний отца, дальше история развивалась так. На очередном комсомольском собрании отец рассказал, что случилось с его дядей, сказал, что это – страшная ошибка, и что он не считает возможным состоять в политической организации, которая закрывает глаза на такие ошибки. Он положил билет на стол комсорга. К счастью, тот оказался хорошим человеком и другом. Он сразу же закрыл собрание, а отца попросил остаться. И наедине объяснил, чем грозит сейчас такой жест, вернул отцу билет, и приказал забыть. Возможно, спас отцу жизнь. Отец «отбыл» комсомольский срок, но в партию никогда не вступал, и в дальнейшем, в 60-х, стал одним из очень немногих беспартийных профессоров – заведующих кафедрой. Формально все же «исполняющим обязанности» (и.о.)

А Григория Дмитриевича Арсентьева, любимого дядю своего отца, я все-таки отыскала – в 2013 году, с помощью интернета и людей, «возвращающих имена». Его осудили «сталинским списком» от 27 февраля 1937 года и расстреляли в Ро-

стове 14 марта 1937 года. Потом, конечно, «реабилитировали», при Хрущеве. Кем стал бы отец без этой потери – можно только гадать. А как ему удалось сохранить светлую душу – можно только удивляться.]

МИХМ я окончил с отличием в марте 1938 года, защитив дипломный проект по открытой тематике «Турбокомпрессор-утилизационная газовая турбина в производстве слабой азотной кислоты». (В том же году Игорь Митропольский окончил Московский медицинский институт им. Сеченова). По окончании МИХМа я был направлен на работу в ГСПИ (Госпроектный институт) в должности инженера-механика, где я работал с 1 апреля 1938 г. по 11 января 1939 года. Осенью 1938 успешно сдал вступительные экзамены в аспирантуру МИХМа, и по конкурсу с 1 января 1939 года был зачислен в аспирантуру.

4. ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

В течение 1938-1941 гг. я усиленно работал над диссертацией: в январе 1940 сдал все экзамены аспирантского минимума и уже к июню 1941 закончил всю экспериментальную часть диссертации; к этому же времени вчерне написал саму диссертацию...

В течение всей жизни я очень много времени уделял своему музыкальному образованию. Частные уроки игры на фортепьяно, а также игра на скрипке в симфонических оркестрах дала мне многое. Во времена учебы в КОМО я сочинил несколько пьес, в том числе «Экстаз» (на смерть мамы) и «Размышление» - для скрипки, вальс «Подснежник» и «Воспоминание» - для фортепьяно.

Я настолько полюбил музыку, что решил получить высшее музыкальное образование в Московской консерватории по классу композиции у Николая Яковлевича Мясковского. Както в мае 1941 года мне удалось

буквально ворваться в класс проф. Мясковского со своей скрипкой и своими «опусами». Представился ему, сказал, что летом оканчиваю аспирантуру МИХМа, а с осени хотел бы учиться у него по классу композиции. Он был удивлен моим нахальством, безумным решением; однако, по-моему, быстро опомнился и попросил меня сыграть что-нибудь. Я хотел «блеснуть» и начал играть каденцию из первой части скрипичного концерта Бетховена, предварительно разрешив у него несколько минут «на разминку». Я проиграл несколько тактов; он сказал – довольно, и предложил сыграть что-нибудь на рояле. Я начал играть «К Элизе». Не дослушав до конца, он предложил мне сыграть что-нибудь из моих «опусов». Я сыграл ему «Подснежник» и «Воспоминание» на рояле и на скрипке.

Прослушав до конца, он сказал примерно следующее: «На скрипке Вы играете неплохо, но солиста-скрипача из Вас не выйдет. Что касается игры на рояле, то Вам еще много надо учиться». Относительно моего желания поступить в консерваторию по классу композиции Мясковский примерно сказал следующее: «Ваши «опусы» оригинальны и довольно мелодичны, но без влияния классиков Вы не обошлись. Мне кажется, что из Вас может выйти интересный композитор. Осенью подавайте заявление в нашу консерваторию, в пределах возможного я Вас поддержу».

В воскресенье 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, и все надежды на защиту диссертации и учебу в консерватории рухнули.

5. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

В воскресенье 29 июня я не был в Москве – отдыхал у сестры Капы в Вешняках. В по-

недельник 30 июня я, не заходя домой (я еще жил у себя на Сухаревской площади, а Оля у себя на Цветном бульваре), поехал прямо в МИХМ, чтобы договориться об оппонентах по моей диссертации и времени защиты диссертации на Ученом Совете МИХМа. Когда я вошел в приемную директора института, секретарь, увидев меня, сказала: «Где ты пропадаешь? Тебя никак не могут застать дома. Посыльный из Горвоенкомата оставил повестку о немедленной явке в Горвоенкомат!» Когда я пришел туда, меня направили в Хамовнические казармы, предупредив, что якобы там формируется воинская часть для отправки на Западный фронт; там меня ждут в качестве командира стрелковой роты. Я сказал, что это какое-то недоразумение, потому что я младший командир (лейтенант) специальных химвойск. «Забудьте об этом, – сказал комбат. – Сейчас война, и командованию виднее, куда вас направить и как использовать. Выполняйте немедленно приказ».

В летней одежде (белые брюки и белая апаша) я явился по месту назначения. Оказалось, что все солдаты, средний и младший комсостав, как и я, были в гражданской одежде. Надо было сформировать часть, направить ее на пункт снаряжения и далее на фронт. Эшелон с частью будет отпра-

вляться с Белорусского вокзала в 7.00 1 июля. Командиру части я сказал, что я еще не был дома после Вешняков – дома волнуются. «Вот роту сформируете и можете идти домой, – сказал он. – А завтра Вам надо быть не позже 6.45 на Белорусском вокзале в месте погрузки нашей части №1046 в товарные вагоны». Я закончил формирование роты в 4 часа утра 1 июля и с разрешения командира части пошел, вернее, побежал на Цветной бульвар, где меня ждала Оля. Она и проводила меня на Белорусский вокзал.

Но там было все не так просто. Когда я обратился к милиционеру с вопросом «Где производится погрузка в состав воинской части 1046» он, очевидно, подумал, что я шпион, так как немедленно привел меня к военному дежурному по вокзалу. После небольшого объяснения с дежурным тот доставил меня к месту погрузки эшелона. Время было около 7 часов. Я еле успел с посадкой, а куда едем – никто не знает. Наш состав на параллельном пути перегоняет состав с зерном; как сказал старший командир, по-видимому, тот едет в Германию с нашими поставками в соответствии с договором о дружбе между СССР и фашистской Германией.

Так мы и не доехали до места назначения: по пути нас расстрелял фашистский «Юнкерс», и мы возвратились в Москву. Комсостав отправили в Горвоенкомат. Меня направили в МИХМ, а МИХМ – в Военный отдел Наркомхимпрома СССР. Таким образом, с 22 июля я стал работать в Военном отделе НКХП СССР в должности старшего инженера, выполняя задания Государственного Комитета Обороны (ГОКО); председателем был Сталин. Я выполнял работу по организации на предприятиях НКХП производства всех деталей реактивных снарядов (РС), прозванных

бойцами Советской армии «ка-
тушами».

Сборка этих деталей в реак-
тивные снаряды проводилась
на заводах Наркомата боепри-
пасов СССР. На этих заводах
приемку наших деталей прово-
дили военпреды. Технические
условия на изготовление де-
талей РС были очень жесткие
– для выполнения этого зада-
ния ГОКО требовалась высокая
квалификация рабочих и инже-
нерно-технического персона-
ла, а также хорошее станочное
оборудование и наличие точ-
ных измерительных приборов.
Практически в НКХП я не был: с
раннего утра и до позднего ве-
чера был в цехах и технических
отделах заводов, которые вы-
полняли указанное выше зада-
ние ГОКО. Первое время было
много брака и, в связи с этим,
неприятные встречи в НКВД.

[ЕЧ: Отец рассказывал, что
встречался непосредственно с
Берией. Тот довольно хорошо
разбирался по существу ра-
боты (чтобы понять, что зада-
ча, в принципе, выполняема), и
возможностей человеческой
психики в экстремальной си-
туации. Один эпизод. Долго не
шла какая-то разработка на на-
учно-техническом уровне. Бе-
рия поступил просто: поместил
инженеров-конструкторов в
«апартаменты» на Лубянке и по-
обещал расстрелять, если за-
дача не будет решена за 5 дней.
Решили. Точно в срок.]

Потом дело наладилось. За-
воды выполняли задания ГОКО.
На этой работе я настолько из-
мотался и устал (хорошо знал,
что невыполнение постановле-
ния ГОКО связано с опасностью
для жизни), что я был счастлив,
когда 23 сентября 1941 года
меня снова мобилизовали в
действующую армию.

Положение на Западном
фронте было критическим: фа-
шисты, неся большие потери,
рвались к Москве – наша армия
отступала. Я вместе со своим
60-м мотомех. полком НКВД

тоже отступали к Москве, и в
ночь с 15 на 16 октября вступи-
ли в Москву. Наш батальон за-
нял оборону в районе Тимирязе-
вской академии. Позже был
приказ председателя ГОКО т.
Сталина об обороне Москвы, по
которому, между прочим, ука-
зывалось, что Синиловская ди-
визия, в состав которой входил
и наш 60-й полк, переходит на
гарнизонную службу для борь-
бы с внешними и внутренними
врагами.

Ночью 26 октября 1941 меня
вызвали в штаб дивизии, ко-
торый находился на Первой
Мещанской улице (теперь про-
спект Мира). Там сообщили, что
меня разыскивает военный от-
дел Минхимпрома СССР. Тотчас
же меня обезоружили, оставив
только обмундирование и вы-
дав 600 рублей, и направили
в Военный отдел НКХП СССР,
куда я явился 27 октября 1941 г.
на свою прежнюю работу. Нача-
лась прежняя ежедневная треп-
ка нервов ...

7 декабря 1944 года я защи-
тил диссертацию на Ученом Со-
вете МИХМа (он уже вернулся
из эвакуации) и был утвержден
в звании кандидата технических
наук ВАКом, чем очень гордил-
ся мой начальник военного от-
дела НКХП Василий Иванович
Антошин – ведь в то время я
был уже исполняющим обя-
занности (как беспартийный)
руководителя группы спецбо-
еприпасов отдела. За успеш-
ное выполнение заданий ГОКО
имел следующие награды: на-
грудный значок «Отлич-
ник соцсоревнования»
(24 августа 1942 г.), ор-
ден Красной Звезды (14
апреля 1944 г.) и медаль
«За оборону Москвы»
(29 августа 1944 г.).

Работая по совме-
стительству в МИХМе
с марта 1942 по июль
1945, я выполнял науч-
но-исследовательскую
работу по обороной
тематике (спецтема

№10).

[ЕЧ: Не знаю, что это за спец-
тема, но могу предположить,
что она была связана с атомны-
ми делами. Что-то такое потом
проскальзывало в разговорах
взрослых – о том, что отец еще
до моего рождения (т.е. до 1950
года) облучился... Наверное,
именно к середине 1940-х он и
занялся своими высокотемпе-
ратурными теплоносителями,
как охлаждающими агентами
для атомных установок, а тех-
ника безопасности на объектах
в те времена, сами понимае-
те... Сохранился документ –
письмо с просьбой временно
освободить маму для ухода за
маленьким ребенком (Мишей),
так как отец ребенка не может
помочь жене, поскольку сам
периодически нетрудоспосо-
бен из-за болезни, «характер
[которой] еще не установлен»...
И еще помню, что в 1960-х под
стеклом на рабочем столе отца
была фотография Курчатова.
С чего бы это, если под стекло
он «допускал» только любимых
композиторов – Чайковского,
Бетховена...

Интересно, что отец мно-
го снимал до войны и после,
а вот снимков за время войны
нет. Ни одного, даже домаш-
него – а ведь он, по-видимому,
мог бывать дома. Хотя, похоже,
он приходил только ночевать,
поскольку «с раннего утра до
позднего вечера был в цехах
и технических отделах». Не до
фотографии... Или вообще
нельзя было снимать? А жаль!

Как бы хотелось сейчас увидеть их всех – тогдашних.]

6. ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

После окончания Великой Отечественной войны, 10 сентября 1945 года я был освобожден от работы в Военном отделе НКХП СССР и перешел на постоянную работу снова в МИХМ в должности ассистента, а затем доцента кафедры Теоретические основы теплотехники.

12 ноября 1945 года я перешел на основную работу в Энергетический Институт им. Г.М. Кржижановского АН СССР (ЭНИИ) в должности старшего научного сотрудника лаборатории Пара высоких параметров, одновременно продолжая работать в МИХМ по совместительству. В ЭНИИ я работал по открытой и закрытой тематике, изучая термодинамические, термокинетические и коррозионные свойства высокотемпературных теплоносителей. За успешную работу по этим тематикам я получил три благодарности от директора ЭНИИ академика Кржижановского, 2000 рублей за успешное выполнение Правительственного задания, и 1500 рублей за третье место в общеинститутском конкурсе на лучшую научно-исследовательскую работу за 1948 год. В этом же году 20 января решением Президиума Академии Наук СССР я был утвержден в ученом звании старшего научного сотрудника по специальности «теплотехника».

В связи с профессиональным заболеванием и зачислением по конкурсу на должность доцента кафедры Теплотехники и термодинамики Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева 16 декабря 1946 года я был освобожден от работы в ЭНИИ. Решением ВАК от 22 апреля 1950 года я был утвержден в ученом звании доцента по

кафедре «Теплотехника и термодинамика».

27 апреля 1946 я получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а 4 ноября 1948 года – юбилейную медаль «В память 800-летия Москвы».

До окончания Великой Отечественной войны я мало занимался музыкой. Однако в период 1945-1946 гг. в центральном клубе «Красный Деревообделочник» (ул. Мархлевского, Бобров пер. 2) я играл на первых скрипках самодеятельного симфонического оркестра. Мы работали над программой юбилейного концерта, посвященного 60-летию нашего дирижера Михаила Павловича Даева. Программа концерта: Глазунов (Карнавал), Вивальди (Концерт для струнного состава оркестра) и Брамс (Торжественная академическая увертюра) – в исполнении оркестра; Бетховен (Квартет №15) – в исполнении квартета научных работников. Концерт прошел в большом успехом, публика тепло и сердечно приветствовала юбиляра. Вскоре М.П. Даев умер, и оркестранты – в основном это были музыканты симфонического оркестра 32-й школы – перешли в оркестры Дома ученых и Дома инженера и техника.

Я перешел в оркестр Дома инженера и техника (ул. Кирова, дом 7) – дирижер С.Г. Деличиев. Я играл на первых скрипках. [ЕЧ: Отец говорил мне, что на первых скрипках там не было никого, кроме него, без консерваторского образования.]

С осени 1949 года дирижером нашего оркестра стал заслуженный деятель искусств, проф. Григорий Столяров. Оркестр готовил программу концерта, посвященного 15-летию своей работы. Концерт состоялся в воскресенье 8 января 1950 года. Были исполнены: симфоническая сюита «Кремль» Глазунова, в его же инструментовке «Шопениана» и

сюита из музыки к драме «Маскарад» Хачатуряна.

Вплоть до 1951 года мы работали с Г. Столяровым в Доме инженера и техника. Что-то произошло между ним и Татаринцевой – во всяком случае, наш оркестр стал работать во Дворце Культуры Метростроя (Костамаровский пер. 3). 4 июня 1951 года мы принимали участие в заключительном концерте Московского городского смотря художественной самодеятельности в Большом Театре; а 22 октября – во втором итоговом концерте Всесоюзного смотря художественной самодеятельности рабочих и служащих СССР, который проходил в Большом зале Московской консерватории. Наш оркестр, объединенный с оркестром железнодорожников, исполнил фрагменты из балета «Медный всадник» Глиэра и «Три чуда» из оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане».

С сентября 1953 по июнь 1954 наш оркестр работал в Клубе ЦК профсоюзов финансово-банковских работников СССР. В этот период мы дали пять концертов:

1. В сентябре 1953 – тематический концерт из произведений Грига: сюита «Пер Гюнт», Норвежские танцы и Концерт для фортепьяно.

2. В ноябре 1953 в смешанном концерте мы исполняли Чайковского: вторую часть Симфонии №5 и третью и четвертую части Симфонии №4.

3. В январе 1954 года, в концерте, посвященном памяти Ленина – финал Симфонии №6 Чайковского и Концерт для фортепьяно №5 Бетховена (солист – проф. Эмиль Гилельс).

4. 29 мая 1954 ода мы выступали в заключительном концерте творческих отчетов художественной самодеятельности Куйбышевского района Москвы; мы исполнили сюиту из «Лебединого озера» и вальс Хачатуряна из музыки к «Маска-

раду».

5. В июне 1954 был дан последний концерт нашего оркестра под управлением проф. Столярова. Играли «Вальс-фантазию» Глинки, сюиту из «Лебединого озера», вальс из «Маскарада», и Штрауса (Весенние голоса, Сказки венского леса, Польку, Персидский марш).

В период 1955-1957 гг. наш оркестр работал уже при Доме учителя (Пушечная ул. 4). Дирижером был засл. артист РСФСР Л.П. Пятигорский. Я принимал участие в двух концертах:

1. 12 июня 1955 года в первом отделении концерта оркестр исполнил увертюру к опере Глинки «Руслан и Людмила», полонез Огинского, а также сопровождал арию Иоланты из одноименной оперы Чайковского в исполнении Е.А. Грохольской, и арии Ивана Сусанина (Глинка) и дона Базилио (Россини, «Севильский цирюльник») – в исполнении артиста Московской филармонии Г. Троицкого. Во втором отделении оркестр исполнил сюиту из «Лебединого озера» и финал Симфонии №3 Чайковского.

2. 4 сентября 1957 оркестр исполнил «Приглашение к танцу» Вебера, музыку из балета «Розамунда» Шуберта, «Концертный вальс» Глазунова, танцы из опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» Глинки, вальс из оперы «Богема» Пуччини. Кроме того, оркестр аккомпанировал А. Петрову, исполнявшему вальс из балета «Коппелия» Делиба, и Р. Федько, исполнявшему романс Рубинштейна «Ночь».

[ЕЧ: Хотя выступления отца формально окончились в 1957 году, музыка до конца была неотъемлемой частью его жизни: он играл дома (на пианино); постоянно ходил с мамой на концерты, в оперу и балет; каждый международный конкурс имени П.И. Чайковского был для него личным праздником. Помню,

папа водил меня на выступление Вэна Клайберна (Ван Клиберн) в Москве, второе после его триумфа на первом конкурсе Чайковского – мы слушали Первый концерт Чайковского, а после выступления подошли с цветами к рампе – поблагодарить пианиста. Мне было лет восемь; дело было летом, и мы с папой специально, только вдвоем, приехали из Школьной (станция под Звенигородом, где была дача) в Москву на Колхозную (так стала называться Малая Сухаревская площадь)...

Кроме того, отец собирал и слушал пластинки с классической музыкой; потом появились и кассетные записи. Позднее, увлекшись любительским кино, он использует эти богатые «запасы» для озвучивания своих фильмов.

В последние годы, уже фактически закончив свою «Летопись» (оставалось только привести в порядок материалы – списки, фотографии, киноплёнки), он почти полностью погрузился в любимую музыку: обычная картина последних лет – мама читает или смотрит телевизор, а отец лежит, «присоединившись» наушниками к приемнику, слушает радио «Орфей»].

7. МОЯ НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Вся научно-исследовательская и научно-техническая деятельность была направлена на исследование физико-химических процессов, протекающих в химической технологии различных производств. Этим я занимался с четвертого курса МИХМа – на Березняковском химкомбинате во время пребывания на производственной практике в 1936 году, в Проектном институте №6 НКПС СССР. Этим же вопросам посвящена моя кандидатская и докторская диссертации. Этими вопросами я занимался в ЭНИНе

АН СССР, выполняя научно-исследовательские и научно-технические работы по открытой и закрытой тематике. Результаты этих работ были использованы Лабораторией №2 (ИАЭ им. Курчатова) и НИИ атомных реакторов им. Ленина при проектировании атомных реакторов; Гипрохимом, ЭТХИМом, Гипрожиром и другими организациями при проектировании первых отечественных парогенераторов и теплогенераторов, работающих на высокотемпературных органических и солевых теплоносителях.

С начала работы в МХТИ (с 16 декабря 1949 года) я расширяю фронт исследования высоко-температурных теплоносителей (жидких) и начинаю заниматься исследованием двухфазных теплоносителей, представляющих собой системы газ – твердые частицы, находящиеся в трех аэродинамических режимах: фильтрации, псевдооживления и витания.

В период с октября 1951 по 4 апреля 1953 гг. я работал по совместительству начальником лаборатории №32 НИИХИМ-МАШа.

Защита докторской диссертации на тему «Высокотемпературные теплоносители» состоялась 5 июня 1963 года в 14 часов на Большом Ученом Совете МХТИ. Открывая заседание Совета, председатель его, ректор Института проф. Кафтанов С.В. сделал страшное сообщение: «Сегодня в 8 часов утра скоростно скончался зав. кафедрой процессов и аппаратов профессор Касаткин». Это сообщение ввело меня в шоковое состояние, так как Андрей Георгиевич Касаткин для меня был самым любимым и уважаемым профессором. С большим трудом я вывел себя из этого состояния и подготовил себя к защите...

В Ученый Совет было дополнительно введено несколько профессоров из Института

Физической Химии АН СССР, поскольку теоретическая часть диссертации была по двум специальностям: «теоретические основы теплотехники» и «физическая химия». Я сделал доклад в положенное время (40 минут). После этого я отвечал на очень много вопросов; на них я ответил хорошо; на это ушло примерно два часа. Затем было выступление официальных оппонентов: проф. Карапетьянца М.Х. (МХТИ, физхимик), проф. Рычкова А.И. (МИХМ, теплотехник и процессщик), проф. Матвеева Г.А. (ЭНИН, теплотехник). Они дали положительную оценку диссертации; на их замечания я дал исчерпывающие ответы. Кроме оппонентов, выступали всего только три члена Совета. Выступления были хорошие. Результаты голосования: только один против, воздержавшихся не было.

Я очень долго ждал решения ВАКа о присуждении мне ученой степени доктора технических наук и ученого звания профессора. Эти решения пришли только 20 февраля и 31 июля 1965 года соответственно. Очевидно, что задержка в решении ВАКа была необоснованной, так как обычно реше-

ние о звании доктора технических наук выносятся не позже, чем через год после защиты, а после этого – через несколько месяцев – утверждение в звании профессора. Также узаконено утверждение ВАКа в звании профессора – через год с момента защиты диссертации, т.е. не в начале июня 1964 года, и уж точно не позже одного года с приказа ректора об избрании по конкурсу, следовательно, не позже 30 июня 1964 года.

С мая 1953 года по 1982 год я вел большую научно исследовательскую и научно-техническую работу по созданию новых отечественных высокотемпературных органических теплоносителей (ВОТ) и кремнийорганических теплоносителей (КОТ) и изучению их термической стойкости, теплофизических свойств, теплоотдачи и гидродинамики, а также по внедрению высокотемпературных теплоносителей (ВТ) в различные отрасли промышленности. За это время под моим руководством и при моем непосредственном участии были:

- созданы 8 новых ВОТ, в том числе терфенильные смеси ТФ-1, 103Л и 103КР (последние

являются теплоносителем-замедлителем атомных котлов/реакторов), а также один новый КОТ; они были всесторонне изучены, и были даны рекомендации по их промышленному получению, теплотехническим расчетам и эксплуатации;

- всесторонне изучены и даны рекомендации по теплотехническим расчетам и эксплуатации еще двух ВОТ: созданного Институтом органической химии и углехимии АН УССР отечественного армотерма и созданного ИОХ АН СССР отечественного моноизопротилтерфенила;

- всесторонне изучены и даны рекомендации по тепловому расчету и эксплуатации 8 новых КОТ, синтезированных предприятием п/я Г-4236;

- разработан способ промышленного получения терфенильных смесей из кубовых остатков пиролиза бензола;

- впервые в СССР разработана и внедрена система высокотемпературного обогрева производства меламин с соевым теплоносителем СС-4;

- созданы отечественные высокоэффективные теплогенераторы, работающие на высокотемпературных теплоносителях (ВОТ, КОТ и соевом теплоносителе СС-4); проведены их промышленные испытания и внедрение в химическую промышленность на предприятиях по производству синтетических волокон (в СССР и НРБ), по производству лаков и красок, производству меланина, и т.д.

За внедрение ВОТ и КОТ на предприятиях химической промышленности я в 1970 году был награжден министром Химической промышленности СССР тов. Костандовым Л.А. значком «Отличник химической промышленности» (удостоверение № 7273). Исследования по теплообмену органических и кремнийорганических теплоносителей в паромасляных

МХТИ кафедра теплотехники: доц. В.И. Власов, зав. каф. проф. Н.В. Трубников, доц. Прокофьев В.В., ст. преп. Ф.М. Костерев, доц. А.В. Четкин, лаборант Настя, зав. лаб. Сысоев Н.В. Осень 1950 г.

вакуум-насосах, проведенные под моим руководством моим заочным аспирантом М.М. Сорокиным (предприятие п/я А-1614), позволило создать более совершенные (в отношении устойчивости вакуума) паромасляные вакуум-насосы. Результаты этих исследований были доложены на IV Международном конгрессе по вакууму (Манчестер, Англия 1968 г.). За эту работу я был награжден министром Электронной промышленности СССР Почетной грамотой. За внедрение своих работ я был награжден значком «Изобретатель СССР».

Широкому внедрению высокотемпературных теплоносителей в промышленность способствовали мои монографии, изданные в 1953, 1957, 1963 и 1971 гг. Мной одним либо вместе с соавторами было выполнено 203 научно-исследовательских и научно-технических работы, включая 14 авторских свидетельств. Подготовлено мной 19 кандидатов технических наук, в том числе один гражданин Кубы.

Моя педагогическая и научно-методическая деятельность началась с марта 1942 года, когда я начал работать по совместительству на кафедре теоретических основ теплотехники МИХМа в должности ассистента, а с 12 ноября 1945 года в должности доцента – вплоть до 8 февраля 1949 года; затем продолжал работать в должности доцента кафедры теплотехники и термодинамики МХТИ им. Д.И. Менделеева, а с 16 декабря 1949 года – как штатный работник в должности доцента этой кафедры.

С 30 июня 1964 года я, как прошедший по конкурсу, был утвержден в должности профессора этой кафедры, и работал на ней вплоть до 18 июня 1968 года; после этого занимал должность и.о. зав. кафедрой технической термодинамики. С 1 сентября 1975 года, в связи с

объединением кафедры технической термодинамики с кафедрой процессов и аппаратов, я работал профессором этой кафедры вплоть до ухода на пенсию с 1 февраля 1991 года.

С сентября 1965 года я вел большую научно-методическую работу: приказом Минвуза СССР я был назначен членом Программно-методической комиссии по теплотехнике при УМУ Минвуза СССР, с 15 мая 1969 – ее Председателем, а с 3 сентября 1971 года – председателем Научного методического совета (НМС) по теплотехнике при УМУ Минвуза СССР, и в этой должности проработал по 1988 год. Как председатель НМС по теплотехнике я провел 54 заседания Президиума и 4 Пленума.

За время работы в МХТИ я написал и издал 16 учебников и учебных пособий, подготовил 19 кандидатов наук.

За многолетнюю педагогическую и научно-методическую работу по подготовке высококвалифицированных специалистов я был награжден медалью «За трудовую доблесть», наградным значком Минвуза СССР «За отличные успехи в работе», пятью Почетными грамотами Минвуза СССР и почетной грамотой Государственного комитета по народному образованию.

В последние годы моей работы в МХТИ был введен конкурс на лучшего лектора потока – в целях совершенствования мастерства преподавания. Судьями были студенты, которые анонимно отвечали на все вопросы, характеризующие преподавателя (четкость и доходчивость изложения содержания лекции, эмоциональность и увлекательность лектора, его культуру, поведение, и т.д.). Эти вопросы разрабатывались Научно-Методическим Советом института. Вопросник тиражировался в таком количестве, чтобы полностью охватить всех студентов всех потоков первых трех курсов. Заполненные студентами вопросники через старост групп передавались в конкурсную комиссию Совета, которая этот материал обрабатывала и определяла лучших лекторов потока. Конкурс проводился один раз в году. Фотографии лучших лекторов вывешивались на стенде «Лучшие лекторы МХТИ». Моя фотография трижды «красовалась» на этом стенде.

В 1990 году Центральное телевидение снимало кинокамерой мой поток для «Последних известий». Я лично не видел этот репортаж, но некоторые из моих знакомых и родных видели меня вечером в «Последних известиях». Телевидение

Коллектив кафедры технической термодинамики, руководимый проф. А.В. Четкинским. 1973 г.

ние прислало мне фотографию моей персоны из этого репортажа (фото на стр. 17).

Будучи членом Ученого Совета МХТИ я нередко выступал по поводу недооценки руководством института значения теплотехнической подготовки наших студентов; руководство систематически проводит политику сокращения курса теплотехники, хотя химическая промышленность стоит на втором месте по потреблению теплоты среди других отраслей народного хозяйства. Я писал об этом в нашей многотиражке «Менделеевец».

В начале весны 1983 года меня вызвал к себе ректор Г.А. Ягодин. Он сказал, что получил из УМУ Минвуза СССР сопроводительное письмо НМС по теплотехнике, в котором НМС просит Ученый Совет МХТИ обсудить вопрос о присуждении мне звания «Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР» в связи с моим 70-летием, и что, якобы независимо от этого, он хотел сам поставить этот вопрос на Ученом Совете института – хотя в успехе он сомневается. Однако Ученый Совет МХТИ от 25 мая 1983 года постановил: «Представить профессора кафедры Процессов и аппаратов, доктора технических наук Четкина А.В. к присвоению ему звания “Заслуженного деятеля науки и техники”». Это решение Совета поддержали партком и местком института.

В соответствии с этим решением нужно было организовать поддержку решения института и, прежде всего, написать в ВУЗы, НИИ, НПО и заводы, которые знакомы с моими работами, письма с просьбой поддержать решение Ученого Совета МХТИ; такую же просьбу Мосгоркому профсоюза работников просвещения высшей школы и научных учреждений.

Заведующий кафедрой Процессов и аппаратов проф. Дытнерский должен был орга-

низовать это дело и, прежде всего, написать в ВУЗы, НИИ, НПО и заводы, которые знакомы с моими работами, письма с просьбой поддержать решение Ученого Совета МХТИ; такую же просьбу Мосгоркому профсоюза работников просвещения высшей школы и научных учреждений. Однако Ю.И. Дытнерский вплоть до октября ничего не сделал. Когда я на заседании кафедры спросил его, он сказал, что теперь уже поздно, «поезд уехал». Но я настоял на том, чтобы он поручил кому-либо из теплотехников заняться этим делом.

Тогда он поручил это сделать старшему преподавателю А.И. Дементьеву, которому удалось до 13 апреля 1984 года получить поддержку о присвоении мне указанного звания от 16-ти организаций (8 - от ВУЗов, 1 - от АН СССР, 1 - от ЭНИНа, 4 - от НИИ, НПО и проектных институтов и 1 - от завода), а 26 июня 1984 от МГК профсоюзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

Вся документация, включая письмо ректора Ягодина Министру Минвуза СССР Елютину, было передано А.И. Дементьевым лично ректору, который ему сказал, что поздно – «поезд ушёл».

8. ПОСЛЕСЛОВИЕ

После ухода ректора Ягодина Г.А. ректором МХТИ был назначен проф. Саркисов П.Д. – человек порядочный, отзывчивый, скромный. В 1990 году, за год до моего ухода на пенсию, заведующим кафедрой Процессов и аппаратов был назначен по конкурсу проф. Титов Андрей Андреевич, бывший мой студент; я его хорошо знал как отличника и порядочного, интеллигентного человека. Сожалею, что не смог дольше с ним работать: после перенесенной болезни я стал быстро уставать и неважно себя чувствовать...

В конце 1990 года я был приглашен на торжественное заседание МИХМа и МХТИ, посвященное 70-летию этих двух институтов. Торжественное заседание МИХМа проходило в актовом зале института. Очень жаль, что в докладе ректора Басова Н.И. (бывшего моего ученика-студента) ничего не сказано о роли проф. Кокорева Д.Т. (в то время умершего). [ЕЧ: Дмитрий Кокорев учился в одной группе с отцом в МИХМе]. Когда Митя Кокорев стал ректором МИХМа, он неоднократно приглашал меня на работу в МИХМ на различные должности, вплоть до заведующего спецкафедрой, но по различным причинам я от этого отказывался... В феврале 1971 года отмечали 50-летие МИХМа ([созданного] как механический факультет МХТИ им. Д.И. Менделеева). Отмечали 25 февраля в Концертном зале кинотеатра «Октябрь». Программа торжественного заседания включала доклад «50 лет МИХМ» ректора института Кокорева Д.Т., приветствия и большой концерт. Я не только получил приглашение, но и, к моему удивлению, меня ввели в президиум заседания. Надо сказать, что Митя Кокорев много сделал в отношении расширения площади института, в основном лабораторий кафедр и их оснащения современным оборудованием.

Торжественное заседание менделеевцев приходило 10 декабря 1990 в Колонном зале Дома Союзов. В программе заседания были: вступительное слово ректора института проф. Саркисова, приветствие гостей и концерт мастеров искусств. Я был в президиуме заседания, и мне вручили большую медную юбилейную медаль.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОЧНОСТИ И.А. ОДИНГА

Стаценко Елена, П-36

Одинг Иван Августович [24.6(6.7).1896, Рига, — 7.5.1964, Москва]. Известный советский ученый в области металловедения, доктор технических наук (1937г.), профессор (1939г.). Член-корр. АН СССР (1946г.), автор более 200 научных работ, многих изобретений. Основные труды по прочности металлов и методов испытания их механических свойств. Сталинская премия I степени 1946г. [1][2]

О семье Одингов

Иван Августович Одинг родился 24 июня (6 июля) 1896 г. в городе Риге. Выходец из латышской семьи. Отец – Август Одинг (Один) по сословному разряду Российской Империи – мещанин города Митава. О семье Августа Одинга известно немного, есть биографическая справка о жизни его брата доцента ленинградских вузов – Хуго (Гуго) Августовича Одинга. [3]

Вскоре после рождения Ивана Августовича семья переехала в Петербург. Среднее образование Иван Августович получил в реальном училище, которое закончил в 1913 г. и поступил в Технологический институт имени Николая I (ныне Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет) на механический факультет, выпускником которого стал в 1921 году. На восьмилетний период обучения Ивана Одинга приходится время Первой мировой войны. Автор не располагает сведениями об участии И.А. Одинга в боевых действиях (службы в армии) в период мировой и гражданской войны. Брат Ивана – Гуго Одинг также выпускник Питерской «Техноложки». Приводим краткую биографическую справку о жизни Г. Одинга, как ни странно из справочника: «Кто есть кто в ленинградском футболе».

Гуго Августович Одинг (29.05./11.06.1902 – 3.06.1968, Ленинград). Советский футболист, клубы: Технологи (1922-1923, о, в) Окончил Тех-

нологический институт (инженер-технолог). Преподаватель текстильного и Автомобильного институтов г. Ленинграда. Доцент кафедры технологии металлов Ленинградского промышленного института (1936-1949), кандидат технических наук (7.06.1938; 1.03.1946). Доцент кафедры авиационного материаловедения Лен. авиационного института (10.02.1941-27.04.1943). Затем переведен в Уфимский авиа-институт с 1-го сентября 1944 г. – зав. кафедрой технологии металлов в Лен. институте холодильной промышленности (до 1.09.1951). Старший преподаватель ВВМУ им. Фрунзе (1.09.1951-1.11.1951), училища морского оружия (в/ч 99060; до 1.08.1960). Доцент кафедры технологии металлов СЗПИ (2.08.1960-1.04.1968). медали «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в ВОВ» и «250 лет Ленинграда». Погребен на Богословском кладбище (Канавная дорожка). [3]

Карьера

С момента окончания технологического института деятельность Одинга Ивана Августовича неразрывно связана с наукой, промышленностью и подготовкой научных кадров. Он был оставлен на кафедре металлографии и термической обработки, где и проработал вплоть до 1930 г. в должности ассистента кафедры. В том же 1930-м году он был назначен профессором Ленинградского политехнического института кафедры металловедения, а затем ее заведующим, где служил до 1942 года. В 1947 г. Иван Августович становится заведующим по отделу прочности и заведующим лабораторией машиностроительного металловедения Центрального НИИ технологии и машиностроения, затем его назначают заместителем директора института машиноведения АН СССР, на этой должности он работает с 1947 по 1953 год. С 1953 руко-

водителем лаборатории, а с 1955 года заместитель директора института металлургии АН СССР и, кроме того, являлся председателем научно-технического совета Гостехники СССР. В 1956 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР И.А. Одингу за выдающиеся заслуги в области науки и техники присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР. [4]

Дорогу осилил идущий

Основные труды профессора И.А. Одинга посвящены вопросам металловедения и проблеме прочности металлов. Он инициатор создания новой дисциплины в вузах — Металловедение для машиностроительных специальностей и написал ряд учебников по учебному курсу. В книге «Прочность металлов» (1956г.) Иван Августович по-новому изложил курс металловедения, впервые приблизив его к нуждам машиностроения.

Он – основоположник создания физических основ прочности материалов. Одинг впервые осуществил междисциплинарный подход к решению проблем прочности и предложил новые пути упрочения материалов и управления их свойствами. Разработал оригинальные эффективные методы механических испытаний материалов..

И.А. Одинг являлся создателем теории усталости металлов, теории прочности.

В книге «Основы прочности металлов паровых котлов, турбин и турбогенераторов» автор подытожил свои многочисленные работы по изучению прочности деталей турбин и турбогенераторов, а также опыт ведущих металлургических и машиностроительных заводов у нас и за рубежом.

Научно-исследовательская работа

И.А. Одинг всегда уделял внимание научно-исследовательской работе. Одновременно с педагогической деятельностью в институте он проводил научные исследования на заводе «Электросила». В 1923г. организовал лабораторию по исследованию металлов. В этой лаборатории в довоенный период И.А. Одингом были выполнены важные научно-исследовательские работы, связанные с изучением свойств крупных поковок и отливок, и технологических свойств металла, а также в области прочности металлов, процессов усталости металлов, физических и технологических свойств металлов. В годы работы на заводе «Электросила» И.А. Одинг занимался также созданием и анализом новых технологических процессов; он исследовал процессы холодной обработки металлов, сварки, термической обработки стали. Уже в ранние годы труды его научной деятельности выдвинули Ивана Августовича в ряды ведущих ученых нашей страны.

Годы Великой Отечественной войны

В 1941г. началась война. Ленинград, где жил Иван Августович Одинг, был блокирован немцами. Иван Августович, как и все жители Ленинграда, участвовал в обороне города, много работал, а после работы выходил на дежурства, тушил зажигательные бомбы, помогал обессиленным. С конца февраля 1942 г. И.А. Одинг начал работать на Невском машиностроительном заводе, выполнявшем заказы

военных защитников Ленинграда. В июле 1942 г. И.А. Одинг был эвакуирован из Ленинграда в Москву, где его назначили директором Центрального научно-исследовательского института тяжелого машиностроения (ЦНИИТМАШ). Этот институт в 1942 г. возрождался специалистами, оставшимися в Москве в октябре 1941 г. (после эвакуации большинства сотрудников), и постепенно возвращавшихся в Москву научных работников института. Восстановление научно-первой задачей, которая стояла перед директором практически вновь создаваемого института, и она была выполнена в короткий срок.

Назначение профессора Ивана Августовича Одина директором ЦНИИТМАШ не было случайным. К 1941 г. он уже был известен как профессор, уникально сочетающий качества ученого, технолога и инженера. В предвоенные годы И.А. Одинг проводил работы практически по всем видам машиностроительной технологии: термическая обработка, обработка резанием, сварка, прокатка (например, прокатка баббитов, которые считались в то время недеформируемыми сплавами) и др.

Вклад в развитие отечественного металловедения

Работая на «Электросиле», И.А. Одинг развивал научный подход, столь необходимый для совершенствования технологии получения крупных поковок и отливок. Проведение этих исследований было вызвано строительством первых в СССР мощных гидрогенераторов, турбогенераторов и специальных электрических машин. Результаты работ позволили заводу «Электросила» впервые в мире создать турбогенератор мощностью 100 тыс. кВт при частоте вращения 3000 об/мин (который был установлен на Челябинской ТЭЦ). За непосредственное руководство изготовлением тяжелой поковки для ротора массой 65 т (отливка 135 т) этого гене-

ратора И.А. Одинг был удостоен Сталинской премии I степени за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы в 1946 году.[2][5]

Перед коллективом института ЦНИИТМАШа была поставлена грандиозная задача — создать газовую турбину. С этой целью был организован ряд новых лабораторий и отделов: жаропрочных сплавов, механизмов и машин, оптических методов исследования, ползучести, прочности и др. . В ЦНИИТМАШе проявился талант не только Одина - руководителя, но и Одина - ученого, поставившего и решившего ряд крупных проблем, Одина - профессора, организовавшего аспирантуру и подготовившего большое число специалистов по различным отраслям науки и техники. Иван Августович являя собой образец счастливого сочетания инженера-практика и ученого-теоретика. Работы Одина по изучению прочности металлов и металловедения хорошо известны как в СССР, так и за рубежом . Фундаментальные монографии И.А. Одина «Современные методы испытаний материалов», «Прочность металлов», «Материалы турбин и турбогенераторов», «Основы прочности металлов паровых котлов, турбин и турбогенераторов», «Допускаемые напряжения и циклическая прочность металлов», «Теория дислокаций в металлах и ее применение», «Теория ползучести и длительной прочности» и др.

Важное научное значение для теории жаропрочности имели опубликованные в то время работы И.А. Одина. Разработанный им кольцевой метод испытаний на релаксацию является до сих пор основным при определении релаксационной стойкости материалов. Этот метод получил распространение не только в СССР, но и за рубежом. Большое значение для развития исследований по жаропрочности имели новые испытательные машины, разработанные под руко-

водством Иван Августович и изготовленные на опытном заводе ЦНИИТМАШ.

В 1946 г. И.А. Одинг был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В связи с этим Иван Августович перешел на работу в Институт машиноведения АН СССР, где занял должность заместителя директора института и заведующего отделом прочности. В рамках этого отдела, он организовал лабораторию ползучести металлов. В лаборатории были проведены важные исследования в области физики прочности и ползучести металлов, которые затем были продолжены в Институте металлургии (ИМЕТе) им. А.А. Байкова АН СССР. В Институт металлургии Иван Августович перешел на работу в 1953 г. по приглашению его директора, вице-президента АН СССР знаменитого советского металлурга Ивана Павловича Бардина, одного из авторов знаменитого советского метода разлива стали. В ИМЕТе Иван Августович Одинг организовал лабораторию прочности металлов. От подобных лабораторий методологическим подходом к анализу прочности лаборатория И.А. Одинг отличалась включением междисциплинарный анализ различных явлений, происходящих в металлах под нагрузкой, таких как усталость, ползучесть, релаксация напряжений, хрупкое разрушение и др.. [5] Кроме работы в ИМЕТе с 1953г. и до последних дней своей жизни Иван

Августович заведовал кафедрой Технологии металлов в МЭИ, где вел большую научно-исследовательскую и педагогическую работу. Под его руководством были заложены основы развития кафедры в учебной и научной работе. Среди выпускников кафедры много кандидатов и докторов наук. Один из них Матюнин В.М. д.т.н., профессор этой кафедры. Ниже изложены некоторые краткие выдержки из доклада Матюнина, прочтенного на Всероссийской научно-технической конференции по теме «Механические свойства современных конструкционных материалов», посвященной 115-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора, Одингана Ивана Августовича, состоявшейся в сентябре 2012 г. в Институте металлургии и материаловедения им. А.А.Байкова РАН.

«При чтении научных докладов или лекций И.А. Одинг вызывал восхищение у слушателей не только как крупный ученый, но и как талантливый педагог, обладающий великолепным учебно-педагогическим тактом. Иван Августович проводил беседы со студентами и за пределами лекционных аудиторий. Он посещал общежитие студентов энергомашиностроительного факультета в студенческом городке МЭИ и в комнате отдыха в непринужденной обстановке знакомил студентов в популярной форме не только с последними достижениями в развитии науки, но и с главными культурными событиями в жизни страны. В этих беседах он стремился к формированию личности студента как всесторонне развитого культурного человека, проявляющего интерес к живописи, литературе, театру, музыке. Его фраза «Быть культурным человеком – это прежде всего быть приятным для окружающих» запомнилась мне и моим сокурсникам. Да и сам Иван Августович постоянно соответствовал этой фразе; он всегда был со вкусом одет, тактичен, располагал к себе обаянием и доброжелательностью. В научных трудах Одингана

И.А. был предложен новый междисциплинарный подход к исследованию прочности материалов и конструкций, основанный на синтезе достижений таких наук как физика, химия, механика твердого тела, термодинамика и др., позволяющий выбрать и реализовать новые пути управления свойствами материалов. Идеи И.А. Одингана не потеряли актуальности и в наше время и продолжают развиваться его учениками и последователями в материаловедении, методах испытаний материалов и расчетов на прочность, высоких технологиях». [6]

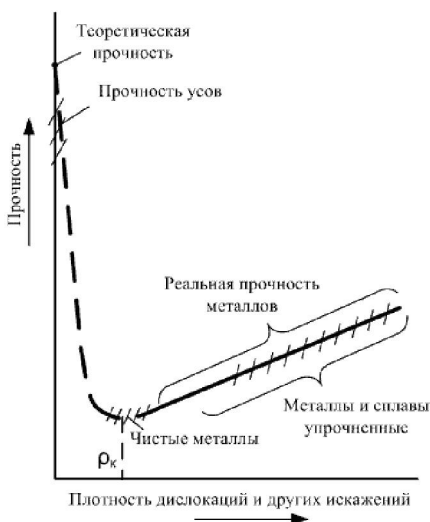
Правительство высоко оценило заслуги И.А. Одингана в развитии науки, производства и образования. Помимо Сталинской премии, врученной ему в 1946 году, он был награжден 2 орденами Ленина, орденом «Знак Почета» и медалями.

Научные труды И.А.Одингана Список научных работ И.А. Одингана включает восемь монографий и более чем 200 научных публикаций (статей, тезисов, докладов и пр.).

В годы начала индустриализации страны большое значение имела научно-популярная литература. Вот краткий перечень книг, написанных Иваном Августовичем в 1925—27 гг. из серии «За рабочим столом»: «Инструментальная сталь и ее закалка», «Сварка металлов», «Модельное дело» и др.

В 1927 г. Увидела свет монография И.А. Одингана «Современные методы испытания металлов», где впервые был освещен этот важный вопрос в русскоязычной технической литературе. Блестяще написанная книга выдержала четыре издания (последнее — в 1944 г.).

В 1932 г. Одинг опубликовал книгу «Прочность металлов», выдержавшую три издания (последнее — в 1937 г.). Следует подчеркнуть, что это был первый учебник, в котором вопросы металлостроения были освещены с учетом задач машиностроения.

В 1934 г. И.А. Одинг в соавторстве с П.В. Михайловым-Михеевым подготовил монографию «Материалы турбин и турбогенераторов». В книге сконцентрирован опыт ведущих металлургических и машиностроительных заводов Европы и СССР по вопросу изготовления и методов испытания крупных и высококачественных поковок и отливок. В дальнейшем этим же вопросам была посвящена книга «Основы прочности металлов паровых котлов, турбин и турбогенераторов», вышедшая в 1949 г. В том же 1949-м году было подготовлено издание «Структурные признаки усталости металлов как следствие установления причин аварий машин» (собственно уже в названии книги виден явный вклад автора в теорию надежности). Все эти книги имели целевое назначение: одни предназначались конструкторам-машиностроителям, другие — исследователям-металловедам. На развитие отечественного машиностроения определяющее влияние оказали работы И.А. Одина в области проблемы определения допускаемых напряжений в деталях машин и в вопросах природы прочности металлов обобщены в монографии «Допускаемые напряжения и циклическая прочность металлов» (четыре издания). Его дифференциальный метод определения допускаемых напряжений в деталях машин в настоящее время нашел широкое применение в различных отраслях машиностроения и включен в учебники по деталям машин. [4]

Необходимо остановиться на работах И.А. Одина в области теории жаропрочности металлов. Наиболее известны его труды по изучению влияния плотности дислокаций на прочность. Эту фундаментальную зависимость сегодня можно увидеть в любом учебнике по металлургии. (Рис. на стр.33. Влияние плотности дислокаций на прочность). [7]

Фундаментальный вклад И.А. Одинг внес в развитие дислока-

ционной теории металлов. Он был первым из советских ученых, признавших и понявших перспективность идей теории дислокаций для развития современных представлений в формировании свойств металлов. Важным этапом в развитии прикладных вопросов теории дислокаций было издание в 1969 г. коллективной монографии «Теория ползучести и длительной прочности» (Одинг И.А., Иванова В.С., Бурдукский В.В., Геминев В.Н.), переведенной впоследствии в Англии и удостоенной премии Академии Наук СССР им. П.П. Аносова. В своих многочисленных работах И.А. Одинг по-новому рассмотрел природу ползучести, длительной прочности и релаксации металлов, создав теорию ползучести и разрушения металлов. Предложенные им новые критерии прочности и ползучести металлов, а также разработанные им новые методы испытания металлов на ползучесть и релаксацию служат базой для определения прочностных характеристик металлов, работающих в условиях высоких температур. Труды И.А. Одина, его коллег и учеников в области теории дислокаций, жаропрочности и циклической прочности не потеряли актуальности и в наши дни. На базе дислокационной теории были разработаны методы термометаллического упрочнения металлов и сплавов, так же широко распространенные в настоящее время.

Наследие

Творческое наследие Одина И.А. плодотворно сказалось на дальнейшем научном развитии научной мысли в этой области.

В проблемах прочности материалов Иван Августович заглянул далеко вперед. Так, в статье «Паутинка, заменяющая канат» (Комсомольская правда от 27 апреля 1958 г.) он мечтал о «кружевных мостах и невесомых самолетов», построенных на базе сверхпрочных нитей. Эти нити сейчас созданы и используются в композиционных материалах. [5] (В принципе, это идея созда-

ния лифта на Луну – задача, которая не потеряла свою актуальность и сегодня).

После смерти Ивана Августовича Одина в 1964г. лабораторию прочности в Институте металлургии возглавила его ученица профессор, д.т.н., заслуженный деятель науки и техники России Иванова Вера Семеновна. После 25-летнего руководства лабораторией прочности В.С. Иванову сменил ее ученик профессор, д.т.н. Терентьев В.Ф., продолжающий научные традиции школы И.А. Одина.

В настоящее время эту лабораторию возглавляет молодой доктор технических наук А.Г. Колмаков – продолжатель научной школы И.А. Одина в третьем поколении.

Развитие идей Одина нашло отражение в более чем 30 монографиях его учеников, некоторые из которых изданы за рубежом. Безусловно, этот факт – свидетельство значимости его междисциплинарного подхода к решению проблем прочности в материаловедении.

Библиография

1. БЭС, М., СЭ. 1984. С. 914.
 2. Википедия // Интернет ресурс [http://ru.wikipedia.org/wiki/Сталинская_премия_за_выдающиеся_изобретения_и_коренные_усовершенствования_методов_производственной_работы_\(1946\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Сталинская_премия_за_выдающиеся_изобретения_и_коренные_усовершенствования_методов_производственной_работы_(1946)).
 3. Лукосяк Ю.П. История петербургского футбола, СПб., «Союз художников», 2011. С. 76.
 4. Национальный Исследовательский Университет Московский Энергетический Институт // интернет ресурс: <http://www.mpei.ru/lang/rus/main/aboutuniversity/science/scienceschools/heatpoweng/odingia.asp>
 5. Научные чтения, приуроченные к 115-летию члена-корреспондента РАН И.А. Одина // Интернет ресурс <http://odin.imetran.ru/oding.html>
 6. Энергомашиностроительный Институт // Интернет ресурс <http://энми.пф/news/158-konferenciya-v-chest-odinga-ia.html>
 7. Материаловедение и технология металлов М., Высшая школа. 2002. С. 18.
- Консультант – проф. Жуков А.П.

ОПЕРЕДИЛ ВРЕМЯ

Григорьев Е., ветеран «Эльты», газета «Красное знамя» 8 мая 2004 г., г. Елец

В сквере напротив центральной проходной завода «Эльта» установлен памятный знак А.Т. Харченко, директору предприятия в 1966-1975 гг. Впервые в истории Ельца увековечена память не героя войны, не писателя или музыканта, а производственника, руководителя завода, одного из отряда тех, кто строил и развивал промышленность города. Низкий поклон, сердечная благодарность от ветеранов «Эльты» всем, кто участвовал в проектировании памятного знака, в его изготовлении и монтаже, в благоустройстве территории сквера имени А.Т. Харченко.

Для нас, ветеранов, этот памятный знак — не только дань уважения талантливому руководителю. Это еще и память о том незабываемом времени, о заводе. Не мы тогда искали работу, а работа искала нас. Мы бесплатно получали квартиры и были спокойны за будущее своих детей, ибо работа и учеба после школы им были обеспечены. И в институты тогда поступали по уму, а не по карману. Это мы строили дома, дворцы и детские сады. Это мы, осваивая новые технологии, горели у стекловаренных печей, дышали ядовитой пылью составного цеха, несли круглосуточную вахту в закрытых от солнечного света помещениях сборочного цеха.

И все-таки 60-е и 70-е годы прошлого века остались в нашей

памяти счастливыми и светлыми. Мы хотим, чтобы наши дети и внуки, не жившие в те годы, знали это и верили нам, живым свидетелям, а не тем публикациям, где черной краской мажут прошлое. Знание истины о прошлом поможет верно ориентироваться в будущем.

Имя Харченко стало символом того времени. Выпускник Московского химико-технологического института им. Менделеева А. Т. Харченко в 28 лет стал главным инженером, в 32 — директором «Эльты». Человек поразительной работоспособности, владеющий новейшей информацией, с неукротимым желанием побеждать и быть первым, Анатолий Тимофеевич обгонял свое время. Он был мастером нестандартных решений. Его планы и проекты нередко казались нам фантастическими и несбыточными. Но проходило немного времени, и фантастика становилась реальностью.

В своих начинаниях А. Т. Харченко мог всегда опереться на творческие возможности коллектива завода. А коллектив «Эльты» был поистине уникальным. В основном это цвет молодежи Ельца — выпускники всех учебных заведений города, усиленные большим отрядом присланных специалистов, которые принесли с собой новые знания и культуру больших городов, где они учились.

У Анатолия Тимофеевича, как у деятельного и успешного человека, были противники. Или, как теперь говорят, оппоненты. Они есть у него даже сейчас, после смерти. Одни оппоненты не могли простить успехов молодому, задиристому директору. Видели в нем соперника и собирали на него компромат. А он, потомок кубанских казаков, не смог победить гордыню и вести себя дипломатичнее с властью. Опальный директор, создавший целый микрорайон и раскрутивший

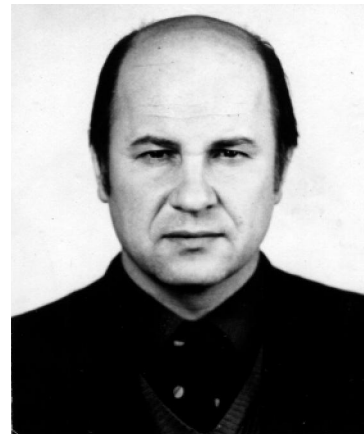
«маховик» «Эльты» на долгие годы, не был представлен в Ельце ни к одной правительственной награде. Ордена и другие «пряники» за хорошо работающую «Эльту» получили его более лояльные преемники.

Другие оппоненты не прощают его за то, что, при всей доступности, он держал дистанцию, не допускал панибратства и каждому воздавал по заслугам. Анатолий Тимофеевич как будто предчувствовал, что многие его «друзья» при жизни и при должности отрекутся от него после смерти, как апостол Петр от Христа.

А вот что говорит большинство из тех, кто знал Анатолия Тимофеевича: если бы в 90-х годах у руля «Эльты» стоял Харченко, она бы не погибла, а работала и сейчас. Я разделяю это мнение.

Давайте постоим и помолчим у памятного знака. И порадуемся счастливой судьбе этого необыкновенного человека, которому удалось реализовать свои таланты. Который, утверждая себя, так много сделал для людей и оставил добрый след на елецкой земле!

На фото: У памятного знака — продолжатели менделеевских традиций: Оксана Анатольевна Василенко (старшая дочь А.Т. Харченко) — начальник административного управления РХТУ — с сыновьями Антоном (выпускником РХТУ) и Толой (студентом РХТУ).

СКВОЗЬ ТЕРМИНЫ – К ЗВЕЗДАМ

Вадим Рабинович об имитаторе, авангарде и пульсирующем поле

18 сентября СМИ сообщили о кончине В.Л. Рабиновича, выпускника МХТИ, с которым многие мendeleeвцы пересекались самым неожиданным образом.

Вадим Львович Рабинович (20 февраля 1935 — 18 сентября 2013) в 1959 году окончил Московский химико-технологический институт по специальности инженер-химик-технолог. Работал на химическом заводе, в Институте горючих ископаемых АН СССР.

В 1967 году защитил диссертацию на соискание степени кандидата химических наук. В том же году окончил Литературный институт им. А. М. Горького, семинар поэзии И. Сельвинского.

С 1986 года доктор философских наук (диссертация «Проблема исторической реконструкции донаучных форм знания»). С 1992 года главный научный сотрудник Института человека РАН. Одновременно преподавал на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, заведовал сектором «Языки культуры» Российского института культурологии.

... В 1979 году в нашей стране произошло событие столь не громкое, столь и знаменательное - в Москве вышла книга химика по профессии, поэта по мировоззрению Вадима Рабиновича - «Алхимия как феномен средневековой культуры».

В.Л. Рабинович принадлежал

к удивительной формации технарей, перешедших в гуманитарные области и добившихся там сказочных высот. Четкость математического и инженерного мышления заставляла его удерживаться в рамках, за пределами которых в лучшем случае некорректность, в худшем – мракобесие. Умение поглощать и перерабатывать огромные массивы знаний, соединяя между собой разные области, позволяло ему делать парадоксальные и одновременно ясные логичные выводы. Чтобы так работать, нужно иметь совершенно особый склад сознания. Склад в обоих смыслах: и как хранилище, и как принцип организации...

«Но как подумать о душе
Иначе как самой душою?!
И рассыпаются клише
Безжизненной шелухой».

НГ, 26.09.2013

Вадим Львович Рабинович – поэт, философ, литературовед. Недавно Вадиму Рабиновичу исполнилось 75 лет. К юбилею подоспела и новая книга – «Имитаторы Рабиновича, или Небесный закройщик». Выяснить, что такое имитатора, попытался *Михаил Бойко*.

– Вадим Львович, я так и не нашел в вашей новой книге четкого определения «имитаторы». Или это, как сказал бы Семен Франк, трансфинитное понятие?

– Это составное придуманное мной слово само служит собственным определением. Имитатора существует в междуречье имитации и метафоры, как раз посередине. Это не имитация и не метафора, но одновременно и то и другое.

Придумал я это слово совершенно случайно. Как вы знаете, я люблю играть словами. Однажды доигрался до имитатора, а потом понял, что это неслучайное понятие. По сути, это определение культуры, которая неизбежно существует между имитацией, то есть подражанием чему-то предшествующему, и метафорой, то

есть движением вперед.

А имитация – это подражание. Имитация имеет целью воспроизвести нечто точь-в-точь, но никогда не воспроизводит точь-в-точь даже у иконописцев. Даже имитация не воспроизводит точь-в-точь, а уж метафора – тем более. А в имитаторе эти два не-точь-в-точь соединены вместе, образуют раздваивающееся единство.

– А что, собственно, имитируется?

– Исходные образцы. Культура имитационна, потому что должна принять какую-то традицию, на что-то опереться. А метафорика старается вывести ее на новый уровень. А культура кентаврична: основана на инновации и традиции, образе и подобию. Таким образом, слово «имитатора» оказалось очень содержательным. С его помощью можно объяснить многие вещи.

– Вы можете привести пример имитатора?

– У Пушкина в «Каменном госте» Дон Гуан, соблазняя Донну Анну, говорит: «Когда сюда, на этот гордый гроб/ Пойдете кудри наклонять и плакать». Пушкин называет гроб гордым, но мы сразу представляем себе гордый лоб, который спрятан за наклоненными кудрями. А самая гениальная имитатора – такая мера расстояния, как световой год.

– У вас какая-то тяга смешивать все и вся. Не из нее ли зародился ваш интерес к химии, а затем алхимии и авангардной поэзии?

– Да, я всегда любил все смешивать, но не бессмысленно, как некоторые авангардисты. Они считают себя авангардистами в духе Хлебникова и Крученых, но с той разницей, что Хлебников и Крученых заплатили своими жизнями за эту игру. Потому что они играли со Священным. А эти ничем не платят. Наоборот, пожинают аплодисменты, получают германские премии. Я имею в виду не самых талантливых вроде Пригова и Рубинштейна, а авангарди-

стов помельче.

– У вас есть выражение: «Сквозь термины – к звездам». Термины – это тернии для исследователя?

– Ну это же имитатора...

– А почему вы увлеклись именно химией, а не другой естественной наукой?

– Химия – это прежде всего искусство. Это многоцветная наука, именно своей визуальностью она меня и привлекала. Я хотел понять естествознание как колдовскую эмпирию. Конечно, в химии есть и расчет, и формулы, но меня привлекала именно цветистость. Многие обращают внимание на то, что и мои стихи цветастые.

При этом я сделал много фактических изобретений. Например, в области физической химии. Одна «реакция Рабиновича» даже вошла в учебники: как из пропана получить пропилен с количественным выходом. Я получил ее теоретически, а сейчас она практически внедрена. У меня 12 штук авторских свидетельств.

– Мне кажется, что ваши философские работы – это скорее художественные, чем научные тексты.

– Неудивительно. Я изобрел науку, которую называю «метафорическая антропология». И считаю, например, самой короткой поэмой – уравнение Эйнштейна $E=mc^2$. ..

– Выходит, между точными, естественными, техническими науками, с одной стороны, и гуманитарными науками, с другой стороны, нет непреодолимой пропасти?

– Нет. Даже техническую науку, например, сопромат или швейное дело, можно легко превратить в гуманитарную. Швейное дело, представленное в истории швейного дела, моментально становится гуманитарным знанием. Ведь как изобретена швейная машина? Американский еврей Айзек (Исаак) Зингер догадался, или Бог его догадал, сделать ушко не в тупом конце иглолки, а в остром. И произвел революцию в швейном деле. Любое техническое знание можно возвести к гума-

нитарному, спустившись в самую глубину, к истокам, к личности.

– А как вы от химии и поэзии совершили переход к философии?

– Когда известный профессор в области истории химии, ныне покойный Владимир Иванович Кузнецов взял меня в Институт истории естествознания и техники, он рассчитывал, что я буду заниматься историей химии комплексных соединений. Конечно, я его обманул и стал писать об алхимии. Но он меня вскорости простил.

– У меня есть знакомые, которые уверены, что философский камень и эликсир бессмертия могут быть действительно получены алхимическим путем и великие алхимики прошлого неоднократно справлялись с этой задачей. А вы как думаете?

– Нет, я с ними не согласен. Алхимия интересна не в смысле практических достижений, не своими реакциями, приборами и так далее, хотя я и этому уделил внимание. Я анализировал ее как тип мышления, который наблюдается и сегодня.

– То есть философский камень никогда не был получен и никогда не будет получен?

– Философский камень – это важный конструкт в схематике алхимии, но толкование у меня совершенно иное, чем у самих алхимиков. Главное их достижение я вижу в том, что они могли сказать: возьми, сын мой, пять унций ртути и прибавь три унции злости. Вот в чем все дело. Это модель новой науки.

– Науки, которая оперирует всей совокупностью явлений?

– Да, всем мирозданием, соединяет все крайности, снимая различия между номинализмом и реализмом и так далее.

– То есть вам не нравится идея реактивировать и реабилитировать алхимию, как это пытаются сделать, например, российские последователи Фулканелли и другие неоалхимики?

– Нет, не нравится.

– Алхимия как практика была уместна только в средневековой культуре?

– А сейчас – в романном мышлении. Вспомним, «Собор Парижской Богоматери», «Гарри Поттера», «Доктора Фаустуса», книги Умберто Эко. Как культурный фермент алхимия входит в романное мышление, в художественные практики, и тем она жива. А не своими практическими успехами или провалами.

– А зачем вы отказались от наукообразного способа изложения?

– Потому что тогда я бы не понял алхимию. Либо мне надо было обзавестись алхимической лабораторией и все это воспроизводить, а это дорого, и никто бы не позволил. Либо написать алхимический трактат об алхимии. Что я и сделал. Создавая алхимический трактат, я был в шкуре алхимика, но при этом рефлексировал об алхимии. Возникало такое двойное зрение.

– Почему вы увлеклись не традиционной поэзией, а авангардной?

– В русском авангарде есть что-то алхимическое, воссоздание праязыка, а это сродни божественному творению. Подобно алхимикам, они творили вселенные – звукобуквовиды – из гула дословия, причем всегда находились при начале, даже не при первой странице, а при странице ноль, но это пульсирующий ноль. Как только они получали какой-то результат, так тут же от этого результата отказывались в пользу творящего начала. Фактически, изучая русских авангардистов, я воспроизводил божественную языковую материю.

В искусстве есть нарративы – это то, что можно частично пересказать, а там, где пересказ невозможен, мы сталкиваемся с авангардным проектом. Проще говоря, все непересказываемое в поэзии, искусстве – авангардно. А все пересказываемое – нарративно. Но каждый художник стремится нарративизировать свое творчество, чтобы о нем говорили. Кроме самых крутых авангардистов, которым совершенно не важно, что о них говорят.

**Официальный сайт
Михаила Бойко 20.05.2010г.**

ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКА

Алейник Р.М., профессор кафедры философии

У меня небольшой опыт участия во всемирных философских конгрессах: в 1993г. он проходил в Москве и наша кафедра принимала в нем участие. В 2002 г. – в Стамбуле были опубликованы мои тезисы и доклад. Но пропустить конгресс в Греции многие, включая меня, из России сочли бы упущением. С 4 по 10 августа 2013 г. в Афинах проходил Всемирный философский конгресс на тему «Философия как познание и образ жизни». Как говорил в приветственном слове Президент Греческого организационного комитета Константинос Вудурис, «тема конгресса приглашает задуматься над сократовским вопросом: «Как же следует жить?», посмотреть на различные способы и образы жизни всех народов земли, подойти к философии как искусству жизни, поразмышлять об ответственной роли и твердой позиции философа по отношению к нынешним и будущим проблемам сложных современных ситуаций».

Я, как профессор РХТУ имени Д.И. Менделеева, получила приглашение выступить с докладом в секции «философская антропология». Волновала сама воз-

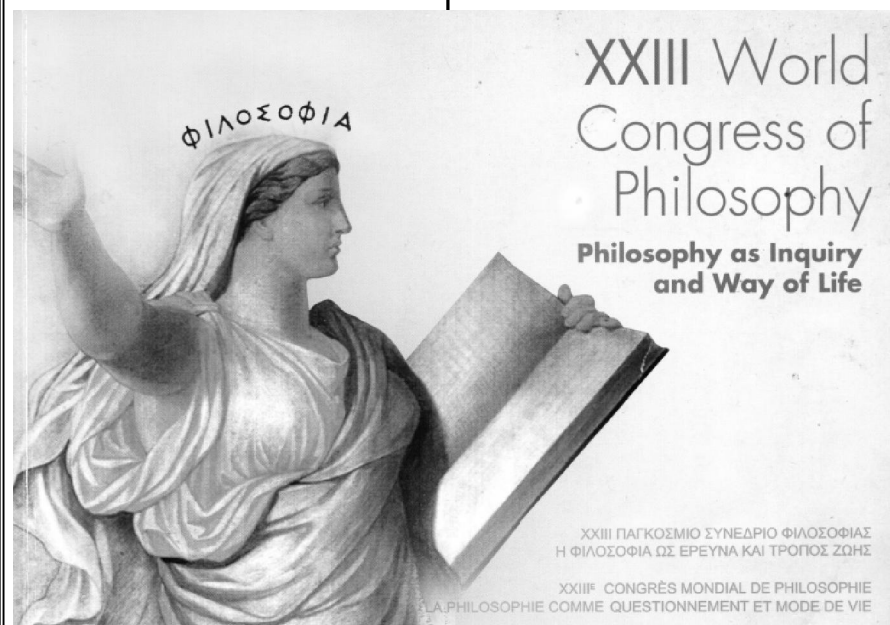
можность пребывания на исторической родине европейской философии, оценить с сегодняшних позиций, что в ней осталось вечного, непреходящего. Торжественное открытие конгресса происходило вечером 4 августа в театре Одеон (Odeneum of Herodes Atticas) в 20.00. Он находится у подножия Акрополя. Были приветствия, был прекрасный концерт. Единственное, что омрачило праздник, была реакция греческой философской общности на выступление представителя Президента Греции: он был освистан. Но мы понимали, что попали в город, отягощенный проблемами современного гражданского общества, технологическим прогрессом и экономической напряженностью. Больше ничего подобного на протяжении недели не происходило, вся работа проходила в спокойной приветливой обстановке. Основные заседания были в философской школе при Афинском Университетском Кампусе-Зографос. Это восьмизэтажное здание в виде трехступенчатой лестницы на территории Афинского университета, который разместился по традиции в прекрасном саду с эвкалиптами, кипарисами и дру-

гими тропическими деревьями.

Возле регистрации участников были расположены карты-схемы самых известных мест афинских философских школ. Поэтому в один из дней я с коллегами посетила место, где была Платоновская академия. Нас предупредили: не путать его с греческой Академией наук, которая также называется Платоновской, где перед фасадом – статуи великих философов древней Эллады. От той, подлинной академии остался фундамент в саду на северо-западе Афин. Она постоянно действовала с 387 г. до н. э. по 529 г. н.э. Это тихая живописная местность. Платон проработал здесь 20 самых плодотворных своих лет. А в районе станции метро «Синтагма» находятся остатки того, что называется Ликеем Аристотеля, основанного его в 335 г. до н. э. Это территория, где ранее проходили учения военной конницы, рядом с истоком реки Эри дан. Гимназии Ликей – места, служившие всем видам интеллектуальной деятельности. Тут бывали Сократ, Протагор. Аристотель проработал здесь 13 лет. После его смерти здесь преобладала натуралистическая философия (Феофраст, Эвдем, Аристоксен). В Афинах сохранилось место Расписной Стой, где Зенон Китионский вел беседы с учениками.

Понравилась организация конгресса: пленарные заседания были не в первый день, а в течение всей недели с девяти утра в актовом зале (Aula). Каждый день проходил по определенной философской тематике. Так 4 августа обсуждалась тема «Методологический поворот в философии» (Трансляция метода, роль аргумента в философии).

5 августа - общая тема «Философия и наука» присутствовала в докладах «От философии науки к философии наук» М. К. Галавотти, «Научная философия: сама идея» С. Хаак, «Натурализм и ре-

ализм сегодня» А. Кордеро, «Философия и наука после восточно-японской катастрофы» К. Ное.

6 августа общей темой была «Технология и окружающая среда». Были доклады «Чему учат уроки Фукусимы? Многомерность технологий» Ю. Мурата; «Радиоактивные отходы, технологические оценки и демократия» М. Риман. В нем говорилось о недостаточной детерминированности новых технологий, они «огрызаются». Характеристика У.Бека современного общества как «Общества риска» не утратила актуальности по сей день. Надо изменить само понятие технологии. Это не закрытая, а открытая система, взаимодействующая с неизвестными элементами. И надо думать о «загрязнении нашего внутреннего Я», о нашей алчности, о стремлении потреблять больше чем надо. И философия должна уметь глубже промысливать последствия технологической революции.

9 августа проходила генеральная ассамблея конгресса с определением будущего Президента конгресса, членов международного философского общества и определение места проведения следующего всемирного конгресса.

10 августа выступали в Ауле хозяева конгресса. Доклады посвящались анализу неоэллинской философии, ее эволюции от эпохи Просвещения до романтизма А. Гликофриди-Леонтисина. Докладчики говорили о связях и взаимовлиянии греческой и европейской мысли, о замечательных переводчиках, способствовавших установлению этого взаимовлияния.

Я бы выделила еще два доклада, которые стали для меня событием. Это доклад Ю. Хабермаса «О проблемах конституализации международных законов» и его последующее обсуждение. Создатель и разработчик теории коммуникативного действия, выдающийся философ нашего времени Хабермас, выбрал темой доклада формирование международных законов в новых исто-

рических условиях. Его анализ проблемы поражает глубиной и масштабностью. Так, он заметил, что международное право политизируется, к сожалению. Власть в странах Евросоюза призвана исходить из приоритета транснациональной демократии. Но как обстоит это на деле? Как соотносится космополитизм и международный порядок? Термин «космополитизм»- расплывчат. И надо выделить два аспекта проблемы: как сохранить преемственность конституций государств? И как обуздать сегодня политическую власть? Показатели легитимности международного права еще слабы, а трансформация сущности государственной власти сопровождается инструментальной логикой самоутверждения государства. Каждое государство стремится к утверждению своих прав. Нередко дискредитируется право ведения войны на юридических основаниях. Переход государств к новому сотрудничеству предвещает собой процесс, в котором присутствуют не только позитивные, но и темные стороны: дефицит демократических процедур, легальных средств, применение силы в рамках экономического глобализма. Очевидна тенденция технократической направленности и дефицит солидарности, что ведет к маргинализации в сфере политического и международного права.

Другой доклад, вызвавший большой интерес, на тему «О борьбе вокруг С. Кьеркегора» Пиа Селтофта, Президента Датского философского общества. Кьеркегору в мае исполнилось 200 лет. К этой дате приковано внимание многих философов мира. П. Селтофт рассказал об основных идеях датского мыслителя и о том, как они воспринимались на его родине и за ее пределами. Кьеркегор - философ, изменивший ход философских дискуссий. Он обозначил рубеж классической и неклассической философии введением идеи абстрактного человеческого Я, он ввел идею стадий жизни,

идею неспособности человека осознать целостность своего существования, идею субъективности. В докладах китайских философов по проблемам диалога Востока и Запада неоднократно упоминалось имя Г.Э. Лейбница, который еще в конце XVII в. - начале XVIII в. одним из первых заговорил о важности этого диалога для мира.

Наши российские философы были весьма заметны на конгрессе, руководили несколькими секциями и самой организацией форума. Вице-президент конгресса - М. Степанян. Однако были сетования по поводу того, что нас, философов мало знают зарубежом. На что В.А. Лекторский сказал, что в целях лучшего знакомства с философскими трудами классиков русской философии Серебряного века и отечественной мысли второй половины XX в. Институт философии дарит библиотеке Афинского университета 46 томов книг. И есть случаи, когда правительства Франции и Германии отмечали вклад наших соотечественников в развитие философской мысли. Это Н.С. Автономова и Н.В. Мотрошилова из Института философии. В нашей секции по философской антропологии разговор шел на английском. Тема моего доклада «Проблема толерантности в современной философии человека». Ведущим был польский философ Р. Заборовский. Присутствовали философы из Польши, Греции, Чехии, России, Молдовы, Казахстана.

Вспоминаю конгресс с удовольствием, настроение царило приподнятое, связанное с праздничным ощущением друг друга, людей с разных континентов, праздником по поводу достижений в истории человеческой мысли, которая демонстрировалась не только в ретроспективе, но в докладах участников это форума. Следующий Всемирный конгресс будет в Китае в 2018 г. Китайские участники продемонстрировали в Афинах блестящее владение английским.

В начале 2012 г. Центр истории университета выпустил в свет монографию «Эвакуация МХТИ им. Д.И. Менделеева в Коканд. 1941-1943» авторы Н.Ю. Денисова, А.П. Жуков. В ней собраны и прокомментированы материалы (иллюстрации в том числе) о драматическом периоде в истории Менделеевки. Были использованы личные воспоминания и дневники участников «великой переселенческой эпопеи», собранные по крупицам.

Монография – опыт обобщения этих «крупниц», коих в неинформационном пространстве (личные архивы менделеевцев, переписка, бабушкины альбомы, тексты из местных изданий) витает еще зримое число. Вот и в нашем случае через месяц-другой после презентации книги профессор В.Н. Лисицын принес простенький канцелярский конверт с надписью «Коканд». В нем десяток

довольно хорошего качества фотографий с подписями на обороте – речь идет о событиях 70-летней давности, эвакуации МХТИ в Коканд Узбекской ССР в 1941-42 гг.

Фотографии, конечно, найдут свое место в Музее истории РХТУ. «Исторический вестник» печатает подборку с узнаваемыми менделеевскими персонажами и предлагает перенестись еще раз в атмосферу тех лет.

По нашей версии конверт из архива врио зав. кафедрой №27 доцента В.В. Козлова – профессора Плехановки послевоенных лет, историка Менделеевского общества, ученика профессора Н.Н. Ворожцова (ст).

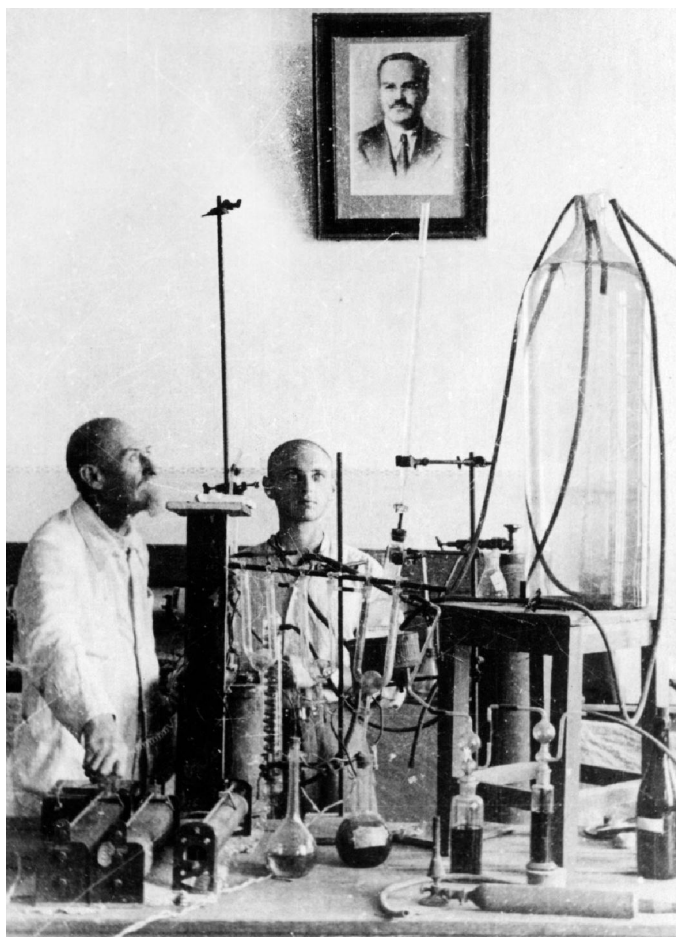
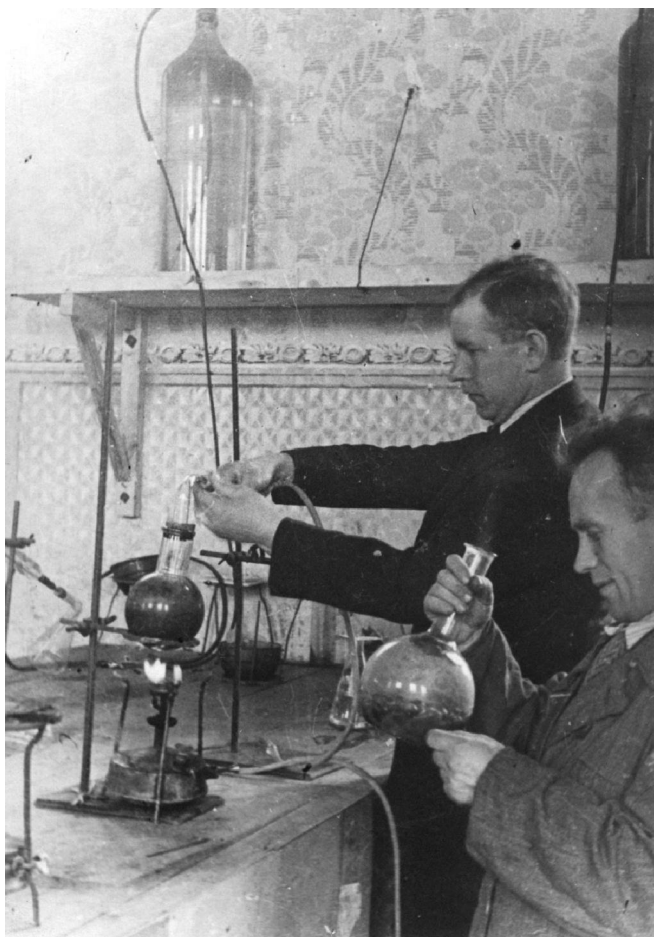
Счастливых всем нам находок!

Центр истории РХТУ

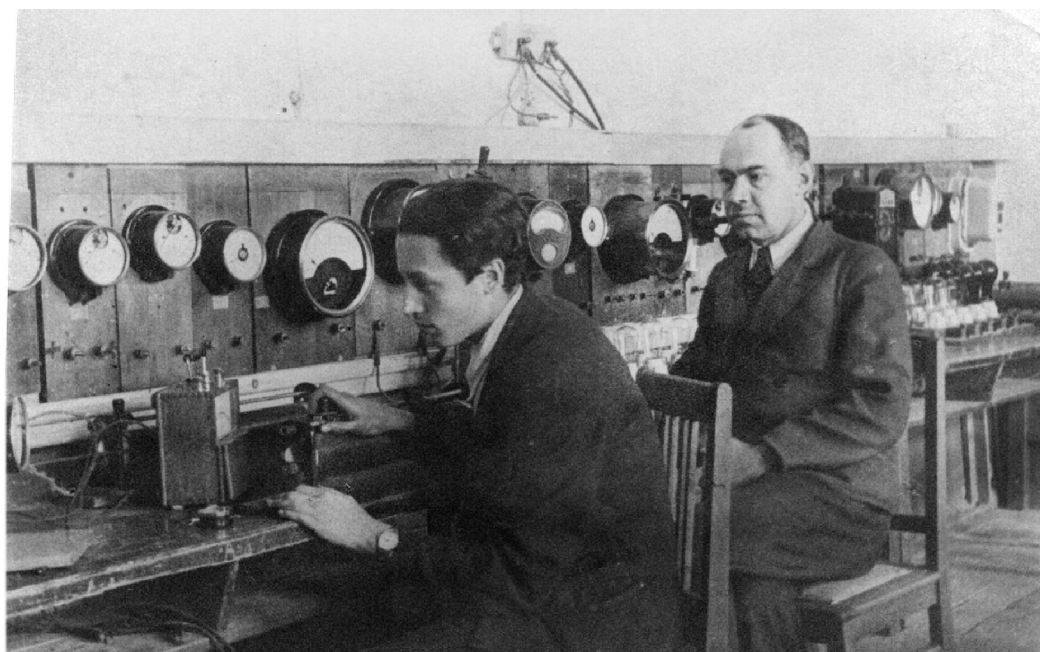
Эвакуация в Коканд

1941-42 гг. Коканд Узб. ССР, доц. С.Б. Авербух в лаборатории физической химии

1941-42 гг. , г. Коканд: доц. А.П. Крешков в лаборатории аналитической химии (слева) и профессор Е.В. Раковский в лаборатории пирогенных процессов

г. Коканд Узб.ССР, МХТИ, И.Н. Оремус в лаборатории электротехники

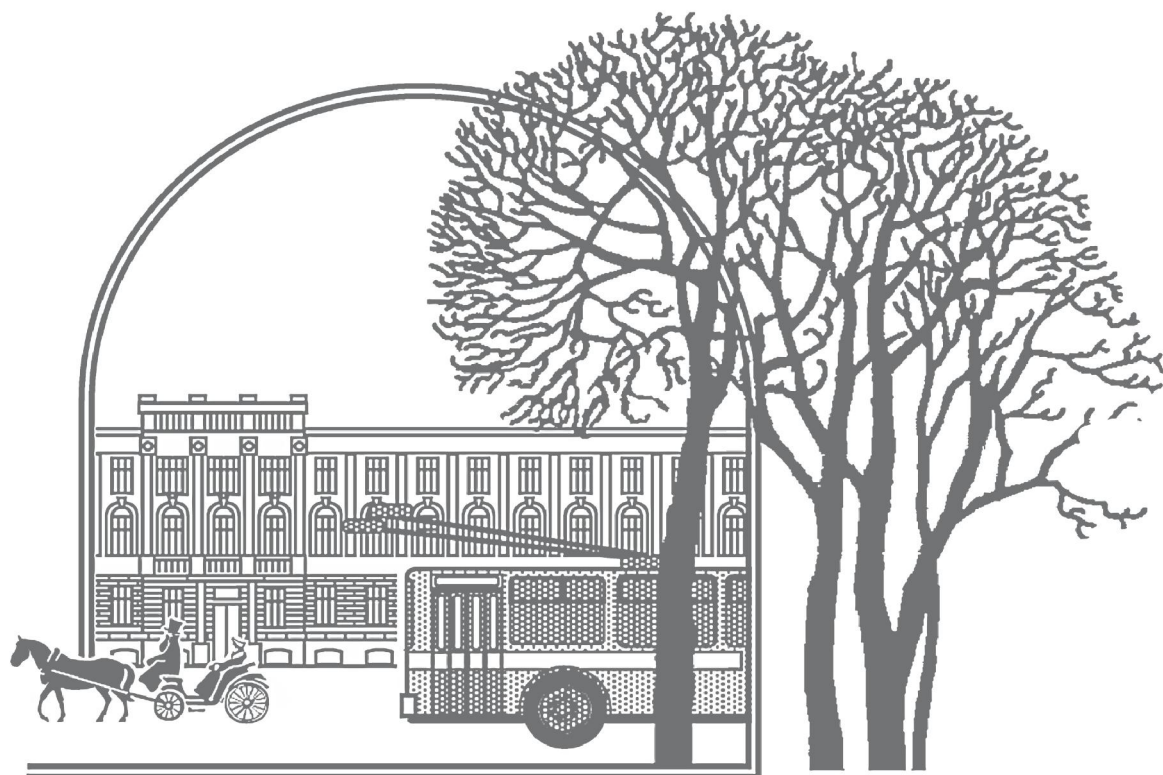
Коканд 1941-42 гг. Дипломное проектирование на кафедре №3, В.В. Козлов и О.В. Смирнова

г. Коканд Узб. ССР, МХТИ, 1941-42 гг. Консультации по дипломному проектированию, доц. В.Г. Хомяков

Коканд Узб ССР, 1941-42 гг. МХТИ, Экзамены?

**Центр истории
РХТУ им. Д.И. Менделеева**